

ЛАО СИ

ТАО-ТЕ-КИНГЪ

или

ПИСАНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ

Подъ редакціей Л. Н. ТОЛСТОГО,

перевель съ китайскаго профессора университета въ Кіото

Д. П. КОНИССИ,

примѣчаніями снабдилъ

С. Н. ДУРЫЛИНЪ.

Москва—1913.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Предисловіе переводчика.

Въ ноябрѣ 1895 г. Левъ Николаевичъ Толстой услышалъ, что мною переводится извѣстная книга „Тао-те-кинъ“ Лао-Си съ китайскаго на русскій языкъ и черезъ Н. Я. Грота пригласилъ меня къ себѣ. „Чтобы Россія имѣла лучшій переводъ, сказалъ онъ, я готовъ помочь вамъ въ дѣлѣ провѣрки точности перевода“. Съ великою радостью, конечно, я принялъ это любезное предложеніе Льва Николаевича. Я ходилъ къ нему съ переводомъ „Тао-те-кинъ“ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ; Левъ Николаевичъ сравнивалъ его съ англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ переводами и устанавливалъ тексты перевода той и другой главы. Такъ мой переводъ былъ конченъ и впервые напечатанъ на страницахъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“.

Москва, 25-го февраля 1912 г.

Д. Конисси.

Въ основу перевода положенъ текстъ цѣннаго китайскаго изданія, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, подъ № 40 китайскаго стѣбла. Переводчикъ пользовался также при своемъ трудѣ нѣсколькими японскими изданіями трактата Лао-Си, а также текстомъ, изданнымъ St. Julien'омъ (Paris. 1842).

ТАО-ТЕ-КИНГЪ.

ИЛИ ПИСАНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ ЛАО-СИ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

I.

Тао, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное Тао.

Имя, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное имя.

То, что не имѣетъ имени—есть начало неба и земли; то, что имѣетъ имя—есть мать всѣхъ вещей.

Вотъ почему свободный отъ всѣхъ страстей видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное его проявленіе.

Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное названіе.

Они называются непостижимыми.

Непостижимое изъ непостижимыхъ и есть ворота всего таинственнаго.

II.

Подъ небомъ всѣ (люди) знаютъ, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

Точно также всѣ знаютъ, что добро есть добро, но оно только зло.

Изъ бытія и небытія произошло все; изъ невозможнаго и возможнаго—исполненіе; изъ длиннаго и короткаго—форма.

Высокое подчиняетъ себѣ низшее; высшіе голоса вмѣстѣ съ низшими производятъ гармонію; предшествующее подчиняетъ себѣ послѣдующее.

Святой мужъ, будучи бездѣятельнымъ, распространяетъ свое ученіе. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется отъ исполненія его воли.

Онъ производитъ много, но ничего не имѣетъ; дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ подвиги, но ихъ не приписываетъ себѣ.

Онъ нигдѣ не останавливается, поэтому ему не будетъ надобности удаляться туда, куда онъ не желаетъ.

III.

Чтобы не было ссоръ въ народѣ, нужно не уважать мудрецовъ.

Чтобы люди не сдѣлались ворами, нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (цѣннымъ) предметамъ, потому что когда люди не будутъ имѣть тѣхъ предметовъ, которые бы прельстили ихъ сердца, они никогда не соблазняются ими.

Отсюда, когда святой мужъ управляетъ страной, то сердце его пусто, а тѣло его полно; (онъ) ослабляетъ желанія и укрѣпляетъ (свои) кости.

Онъ старается, чтобы народъ былъ въ невѣжествѣ и безъ страстей.

Также онъ старается, чтобы мудрые не смѣли сдѣлать чего-нибудь.

Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то (на землѣ) будетъ полное спокойствіе.

IV.

Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистошимо.

О, какая глубина! Оно начало всѣхъ вещей.

Оно притупляетъ свое остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ блескъ и, наконецъ, соединяетъ между собою мельчайшія частицы.

О, какъ чисто! Оно существуетъ предвѣчно, но я не знаю, чей оно сынъ и предшествовало ли первому царю.

V.

Небо и земля не суть любвеобильныя существа. Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ съ соломенною собакой.

Святой мужъ не любвеобилень: онъ поступаетъ съ земледѣльцами, какъ съ соломенной собакой.

Все, находящееся между небомъ и землей, похоже на кузнечный мѣхъ.

Онъ (кузнечный мѣхъ) пустъ, но неистошимъ: чѣмъ чаще надувается, тѣмъ больше выпускаетъ воздухъ.

Кто много говоритъ, тотъ часто терпитъ неудачу; потому лучше всего соблюдать средину.

VI.

Чистѣйшій духъ безсмертенъ. Онъ называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери—называются корнемъ неба и земли.

Онъ (т. е. чистѣйшій духъ) будетъ существовать безъ конца.

Кто хочетъ пользоваться имъ, тотъ не устанетъ.

VII.

Небо и земля вѣчны.

Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для самихъ себя.

Вотъ почему они вѣчны.

Святой мужъ заботится о себѣ послѣ другихъ, поэтому онъ легко достигаетъ безопасности.

Онъ оставляетъ свое тѣло безъ всякой заботы, поэтому онъ будетъ жить долго.

Кто не заботится о себѣ, тотъ весьма удачно совершить и свое личное дѣло.

VIII.

Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на томъ мѣстѣ, котораго люди не видятъ, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо—для земли; сердце—для глубины; союзъ—для любви; слова—для довѣрія; управленіе—для благоденствія (страны); дѣла—для умѣнія; движеніе—для жизни.

Не ссорящійся не осуждается.

IX.

Чтобы посуда была наполнена чѣмъ-нибудь, нужно держать ее твердо (безъ малѣйшаго движенія) и ровно.

Чтобы лезвее наострилось, нужно долго продолжать натачиваніе.

Когда домъ наполненъ золотомъ и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его въ цѣлости.

Кто достигнетъ чести и приобрѣтетъ богатство, тотъ

сдѣлается гордымъ. Онъ легко забудетъ, что существуетъ наказаніе (за преступленіе).

Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ приобрѣтено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе).

Вотъ это-то и есть небесное Тао (или естественное Тао).

X.

Душа имѣетъ единство, поэтому она не дѣлится (на части). Кто вполне духовенъ, тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ.

Кто свободенъ отъ всякаго рода знаній, тотъ никогда не будетъ болѣть.

Кто любитъ народъ и управляетъ имъ, тотъ долженъ быть бездѣятельнымъ.

Кто хочетъ открыть небесныя ворота, тотъ долженъ быть, какъ самка.

Кто дѣлаетъ видъ, что много знаетъ и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ и ни къ чему не способенъ.

Кто производитъ (вещь) и постоянно держитъ ее, тотъ ничего не имѣетъ.

Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ, называется небесною добродѣтелью.

XI.

Тридцать спицъ соединяются въ одной ступицѣ (колесницы), но если онѣ недостаточны для предназначенной цѣли, то ихъ можно употребить для другой (воза).

Изъ глины дѣлаютъ домашній сосудъ; но если она недостаточна для извѣстной цѣли, то годится для другой.

Связывая рамы и двери, устраиваютъ домъ; но если онъ недостаточенъ для этого, то изъ нихъ можно дѣлать домашнюю утварь.

Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цѣли, то можно употребить ее для другой.

XII.

Пять цвѣтовъ ослѣпляютъ человѣка.

Пять звуковъ оглушаютъ его.

Пять вкусовъ пресыщаютъ его.

Верховая гонка и охота одуряютъ душу (сердце) человѣка.

Стремленіе къ обладанію рѣдкими драгоценностями влечетъ человѣка къ преступленію.

Отсюда святой мужъ дѣлаетъ исключительно внутреннее, а не для глазъ. Поэтому онъ удаляется отъ того и приближается къ этому.

XIII.

Почесть и позоръ отъ сильныхъ міра (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тѣло тяготитъ его, какъ великое бремя.

Что значитъ: почесть и позоръ отъ сильныхъ міра одинаково странны (для мудреца)?

Почесть отъ сильныхъ міра — униженіе (для мудреца), поэтому, когда она достанется (ему), то (онъ) относится къ ней, какъ къ совершенно призрачной; когда она потеряется, то также къ ней относится, какъ къ презрѣнной.

Вотъ это-то и есть: къ почести и позору отъ сильныхъ міра относиться какъ къ призрачному.

Что значитъ: собственное тѣло тяготитъ его (мудреца), какъ великое бремя?

Я имѣю потому великую печаль, что имѣю тѣло. Когда я буду лишень тѣла, то не буду имѣть никакой печали.

Поэтому, когда мудрецъ боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда онъ сожалѣетъ, что управляетъ вселенной, то ему можно отдать ее.

XIV.

Предметъ, на который мы смотримъ, но не видимъ, называется безцвѣтнымъ.

(Звукъ, который) мы слушаемъ, но не слышимъ—беззвучнымъ.

(Предметъ, который) мы хватаемъ, но не можемъ захватить—мельчайшимъ.

Эти три (предмета) неизслѣдимы, поэтому когда они смѣшаются между собой, то соединяются въ одно.

Верхъ не ясенъ, низъ не темень. О, бесконечное! Его нельзя назвать именемъ.

Оно существуетъ, но возвращается къ небытію.

Оно называется формою (или видомъ) безформенною.

Оно также называется неопредѣленнымъ.

Встрѣчаясь съ нимъ, не видать лица его, слѣдуя же за нимъ, не видать спины его.

Посредствомъ древняго Тао можно управлять жизнью настоящаго времени.

Изслѣдовать происхожденіе всего (или начало древности) называется нитью Тао.

XV.

Древніе, выдававшіеся надъ толпой, люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки,—постигнуть ихъ невозможно.

Они непостижимы, поэтому внѣшность ихъ была величественная.

О, какъ они медленны, подобно переходящимъ зимой черезъ рѣку!

О, какъ они нерѣшительны, подобно боящимся своихъ сосѣдей!

О, какъ они осанисты, подобно гостящимъ въ чужомъ домѣ!

О, какъ они осторожны, подобно ходящимъ на тающемъ льду!

О, какъ они просты, подобно необдѣланному дереву!

О, какъ они пусты, подобно пустой долиинѣ!

О, какъ они мрачны, подобно мутной водѣ!

Кто сумѣетъ остановить ихъ и сдѣлать ясными?

Кто же сумѣетъ успокоить ихъ и продлить ихъ тихую жизнь?

Исполняющій Тао не желаетъ быть наполненнымъ.

Онъ же не удовлетворяется ничѣмъ, поэтому, довольствуясь старымъ и не обновляясь (душою), достигаетъ совершенства.

XVI.

Когда пустота будетъ доведена до послѣдняго предѣла, то будетъ глубочайшій покой.

Всякая вещь растеть, въ чемъ я вижу возвращеніе (или круговоротъ).

Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но всѣ онѣ возвращаются къ своему началу.

Возвращеніе вещей къ своему началу и есть покой.

Покой и есть возвращеніе къ жизни.

Возвращеніе къ жизни и есть постоянство.

Знающій постоянство (или вѣчность)—мудрецъ.

Не знающій постоянства будетъ дѣйствовать по своему произволу, поэтому онъ призываетъ къ себѣ бѣду.

Знающій постоянство имѣетъ всеобъемлющую душу.

Имѣющій всеобъемлющую душу будетъ правосуденъ.

Правосудный будетъ царемъ.

Кто царь, тотъ соединяется съ Небомъ.

Кто соединенъ съ Небомъ, тотъ будетъ подобенъ Тао, которое существуетъ отъ вѣчности.

Тѣло его погибнетъ (умретъ, когда настанетъ время), но (духъ его) никогда не уничтожится.

XVII.

Существуетъ ли высочайшее бытіе, я не знаю; но можно (духомъ) приблизиться къ нему и воздавать ему хвалу, потомъ—бояться его, а затѣмъ—пренебрегать имъ.

Отъ недостатка вѣры происходитъ невѣріе.

О, какъ медленны слова, произносимыя съ вѣсомъ и со смысломъ!

Когда совершены заслуги и сдѣланы подвиги, то всѣ земледѣльцы скажутъ, что это достигнуто естественнымъ ходомъ вещей.

XVIII.

Когда великое Тао будетъ покинуто, то появится истинная человѣчность и справедливость.

Когда широко будетъ распространена мудрость, то появится великая печаль.

Когда шесть ближайшихъ родственниковъ находятся въ раздорѣ, то является почитаніе родителей и любовь къ дѣтямъ.

Когда въ государствѣ царитъ усобица, то являются вѣрные слуги.

XIX.

Когда оставлены святость и мудрость, то польза народа увеличится во сто разъ.

Когда оставлены челоуѣколюбіе и справедливость, то дѣти будутъ почитать своихъ родителей, а родители будутъ любить своихъ дѣтей.

Когда покинуты всякаго рода лукавство и выгоды, то воровъ не будетъ.

Одной только внѣшностью достигнуть этихъ трехъ (качествъ) невозможно. Для этого необходимо быть болѣе простымъ и менѣе способнымъ и безстрастнымъ.

XX.

Когда уничтожено будетъ ученіе, то печали не будетъ.

Какъ велика разница между простымъ и сложнымъ!

Какъ велика разница между добромъ и зломъ!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до середины.

Многіе держатъ себя важно, словно получаютъ жертвенное мясо, словно весной восходятъ на башню.

О, какъ я простъ! Во мнѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго, какъ въ младенцѣ, еще не достигшемъ дѣтства.

Я какъ будто несусь, но не знаю, куда и гдѣ остановлюсь.

Многіе люди богаты, но я ничего не имѣю, какъ будто все потерялъ.

Я простъ, какъ душа глупаго челоуѣка, но люди свѣта блестятъ.

Я одинъ темень, но люди свѣта просвѣщены.

Я одинъ страдаю душевно; волнуясь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться.

Многіе люди дѣлають то, къ чему способны, но я одинъ глупъ и мужиковать.

Я одинъ отличаюсь отъ другихъ тѣмъ, что люблю питаться у матери.

XXI.

Высоконравственный повинуется только одному Тао.

Сущность Тао похожа на блескъ свѣта.

О, неуволимъ блескъ свѣта! но въ немъ есть изображенію.

О, какъ онъ блеситъ! Онъ рѣшительно неуволимъ, но въ немъ есть вещество.

О, какъ призрачно и непостижимо (Тао)! Въ немъ есть сущность, которая достовѣрна.

Отъ древности до нынѣ имя (его) никогда не исчезало.

Я обозрѣлъ многія начала, но не знаю, отчего такія начала, а не иныя.

XXII.

Изъ несовершеннаго происходитъ цѣльное.

Изъ кривого—прямое.

Изъ углубленнаго—гладкое.

Изъ стараго—новое.

Если немного, то легко приобрести, а если много, то легко запутаться.

Поэтому святой мужъ имѣетъ только одно, но онъ сдѣлается примѣромъ для всего міра.

Онъ открыто не объявляетъ своихъ мыслей, поэтому онъ никогда не заблуждается (ясень).

Съ никогда не выставляетъ себя, поэтому онъ всегда извѣстенъ.

Онъ самъ никогда не воуетъ, поэтому имѣетъ заслуги.

Ничѣмъ онъ не гордится, потому онъ превозносится.

Ни съ кѣмъ онъ не ссорится, потому вся вселенная никогда не сопротивляется ему.

Отсюда, высказанныя древними слова: „изъ несовершеннаго происходитъ совершенное; изъ кривого — прямое“ — можно ли назвать лживымъ изреченіемъ?

XXIII.

Рѣдкія слова заключаютъ въ себѣ самыя достовѣрныя мысли.

Рѣдкія изреченія сами собою правдивы.

Утренній сильный вѣтеръ не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается цѣлый день.

Ни небо, ни земля вѣчно существовать не могутъ. Тѣмъ болѣе человѣкъ.

Живущій и поступающій по Тао равенъ ему; нравственный человѣкъ равенъ добродѣтели; потерявшій все равенъ потерѣ.

Тао любитъ находить равное себѣ; нравственный — равное себѣ; потерявшій — также равное себѣ.

Гдѣ вѣра слаба, тамъ не будетъ вѣры.

XXIV.

Сухоногіи не можетъ встать.

Сидящій не можетъ ходить.

Кто думаетъ, что постигъ все, тотъ ничего не знаетъ.

Кто доволенъ самимъ собою, тотъ не можетъ прославиться.

Кто хвастается, тотъ не можетъ имѣть заслуги.

Кто гордъ, тотъ не можетъ возвыситься.

Такіе люди, съ точки зрѣнія Тао, называются питающимися излишествомъ и творящими напрасное. Поэтому, когда они находятъ Тао, то оставаться въ немъ рѣшительно не могутъ.

XXV.

Вещество произошло изъ хаоса.

Есть бытіе, которое существуетъ раньше, нежели небо и земля.

Оно недвижимо, безтѣлесно, самобытно и не знаетъ переворота.

Оно идетъ, совершая безконечный кругъ, и не знаетъ предѣла.

Оно одно только можетъ быть матерью (самкой) неба и земли.

Я не знаю его имени, но (люди) называютъ его Тао.

Могущество его называется величіемъ; величіе его—безграничнымъ; безграничное—безконечнымъ; безконечное—возвращеніемъ.

Тао велико, небо велико, земля велика и, наконецъ, царь великъ.

Итакъ, въ мірѣ существуютъ четыре величія, одно изъ которыхъ составляетъ царь.

Земля несетъ людей; небо несетъ землю; Тао несетъ небо и, наконецъ, естественность несетъ Тао.

XXVI.

Тяжелое лежитъ въ основаніи легкаго.

Тишина господствуетъ надъ движеніемъ.

Хотя мудрецъ бываетъ занятъ цѣлый день, но относится къ своимъ дѣламъ внимательно и съ большей осторожностью.

Хотя ему будетъ слава и внѣшнее великолѣпіе, но онъ никогда не прельстится ими, ибо онъ стоитъ выше ихъ.

Что случится съ тѣмъ царемъ, который, имѣя десять тысячъ колесницъ, презираетъ заботу о своей странѣ и думаетъ только о своемъ удовольствіи?

Презирающій заботу о своей странѣ потеряетъ лучшихъ слугъ—опору государства.

Гдѣ легкомысленное движеніе въ народѣ, тамъ царь легко упразднится.

XXVII.

Нравственный человѣкъ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Краснорѣчивый не сдѣлаетъ ошибки въ своихъ рѣчахъ.

Побѣдоносный полководецъ не употребляетъ никакой хитрости.

Если что крѣпко заперто, то (оно), хотя и безъ замковъ, не отпирается.

Если что крѣпко связано, то (оно), хотя и безъ замысловатыхъ узловъ, не развязывается.

Мудрецы спасаютъ погибающихъ и не оставляютъ нуждающихся въ чемъ-нибудь безъ помощи. Они всегда очень бережно сохраняютъ вещи и не выкидываютъ ихъ.

Это называется двойнымъ просвѣщеніемъ.

Отсюда, нравственный человѣкъ есть учитель (или руководитель) безнравственныхъ; безнравственные люди суть орудіе нравственного.

Кто не уважаетъ своего учителя и кто не любитъ своего орудія, тотъ, хотя уменъ, очень заблуждается.

Это называется важнымъ отступленіемъ отъ Тао.

XXVIII.

Тотъ, кто знаетъ свою силу и сохраняетъ свою слабость, сдѣлается долиной вселенной.

Когда онъ будетъ долиной вселенной, то въ немъ будетъ пребывать вѣчная добродѣтель.

Человѣкъ вторично возвращается въ состояніе младенца (Тао).

Кто знаетъ глубину своего просвѣщенія и остается въ невѣжествѣ, тотъ сдѣлается примѣромъ всего міра.

Кто будетъ примѣромъ всего міра, тотъ не измѣнитъ вѣчной добродѣтели и возвратится къ совершенству (Тао); онъ познаетъ славу Его.

Находясь въ презрѣніи, онъ сдѣлается долиной вселенной.

Кто—долина вселенной, тотъ будетъ доволенъ только добродѣтелью и возвратится въ совершенную простоту.

Когда эта простота будетъ удалена, то изъ него выйдетъ превосходный сосудъ.

Если святой мужъ употребить его, то сдѣлается начальникомъ.

Вотъ почему великое установленіе никогда не уничтожится.

XXIX.

Кто дѣйствуетъ, сильно желая завладѣть вселенной, тотъ никогда не достигнетъ желаемаго, потому что вселенная есть божественное орудіе, поэтому распоряжаться ея судьбою никто не въ правѣ.

Отсюда, кто покушается на это, тотъ нарушаетъ порядокъ міра; кто хочетъ завладѣть имъ, тотъ немедленно потеряетъ его.

Вообще вещи идутъ впередъ или назадъ; воютъ или дуютъ; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одномъ мѣстѣ.

Поэтому, мудрецъ избѣгаетъ всякой крайности, роскоши и великолѣпія.

XXX.

Кто помогаетъ царю по Тао, тотъ не будетъ заботиться о процвѣтаніи страны посредствомъ военной силы: что бы вы ни сдѣлали людямъ, они тѣмъ же воздадутъ вамъ.

Гдѣ войско стоитъ, тамъ будетъ расти колючая трава (вмѣсто хлѣба).

Послѣ великой войны бываетъ неурожайный годъ.

Отсюда, когда нравственный человѣкъ управляетъ (страной), то никогда не прибѣгаетъ къ грубой силѣ, не ищетъ тщеславія, не воетъ, не гордится ничѣмъ, не останавливается нигдѣ и не усиливается.

Когда вещь дойдетъ до полноты своего развитія, то она ослабѣетъ и дряхлѣетъ.

То, что не Тао, быстро уничтожается.

XXXI.

Благоустроенное войско есть нечестивое орудіе, есть предметъ, по своему существу, злой.

Мудрецъ предпочитаетъ лѣвую сторону правой, ибо употребляющіе войско предпочитаютъ правую сторону лѣвой.

Войско есть нечестивое орудіе, поэтому оно не можетъ быть орудіемъ для (истинно) мудрыхъ. Отсюда, оно и употребляется только въ неизбѣжныхъ случаяхъ.

Хотя война ставить, быть можетъ, цѣлью спокойствіе, но она несомнѣнное зло.

Еслибъ она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей.

Любящій убивать людей не можетъ осуществить свой добрый замыселъ въ мирѣ.

При добромъ дѣлѣ лѣвая сторона предпочитается правой, а при бѣдѣ—правая лѣвой.

Подчиненные вожди останавливаются на лѣвой сторонѣ, а начальствующие на правой.

Когда сдѣлается извѣстной побѣда, то слѣдуетъ встрѣтить эту вѣсть съ траурнымъ обрядомъ, ибо на войнѣ очень многіе погибаютъ.

Такъ какъ на войнѣ очень многіе погибаютъ, то слѣдуетъ оплакивать войну.

Когда война окончится побѣдою, слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ.

XXXII.

Вѣчное Тао не имѣетъ имени.

Оно незначительно, какъ щепка, но миръ не можетъ подчинить его себѣ.

Когда цари и князья заботятся о защитѣ (своей страны), то сама природа сдѣлается помощницей ихъ.

Когда небо совокупляется съ землей, то спускается роса на землю, чего человекъ не въ состояніи устроить.

Когда Тао раздѣлилось на части, то получило имя.

Если имя извѣстно, то нужно воздерживаться.

(Каждому) слѣдуетъ знать, гдѣ ему нужно оставаться. Кто соблюдаетъ во всемъ воздержаніе, тотъ не будетъ знать (нравственнаго) паденія.

Это—Тао, которое существуетъ во всей вселенной.

XXXIII.

Знающій людей разумень, а знающій себя самого прозорливъ.

Побѣждающій другихъ силенъ, а побѣждающій самого себя могущественъ.

Довольствующійся самимъ собой—богачъ.

Твердый въ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ твердую волю.

Не отступающій отъ своего назначенія долговѣченъ.

Неуничтожимый послѣ смерти вѣченъ.

XXXIV.

О, безпредѣльно великое Тао!

Оно справа и слѣва.

Вся тварь появилась на свѣтъ благодаря ему; оно не отталкиваетъ ея отъ себя.

Заслуги Тао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляетъ о всѣхъ вещахъ съ любовью, но не желаетъ быть господиномъ ихъ.

Такъ какъ оно не имѣетъ никакой страсти, то оно называется ничтожнымъ.

Его можно назвать маленькимъ, ибо мельчайшая вещь возвращается въ него.

Всѣ существа подчиняются ему, но оно не считаетъ себя господиномъ ихъ; поэтому его можно назвать великимъ.

Мудреца нельзя назвать великимъ, хотя онъ совершаетъ великія дѣла.

Причина того, что святой легко достигаетъ величія, заключается въ томъ, что онъ не величаетъ самого себя.

XXXV.

(Святой) беретъ великаго слона и идетъ по всему міру. Ходить, но не дѣлаетъ никакого вреда.

Отъ удовольствія, спокойствія, тишины и величія даетъ ему (міру) пищу.

Проходящій пришелецъ остановился. Когда онъ говоритъ о Тао, то какъ просты его слова! (Когда) они произнесены, (то бываютъ) безъ всякаго вкуса.

(Люди) смотрятъ на него (Тао), но не видятъ; они слушаютъ его, но не слышатъ; они употребляютъ его, но оно не истощается.

XXXVI.

То, что сжимается—расширяется.

То, что ослабѣваетъ—усиливается.

То, что уничтожается—возстанавливается.

То, что лишается всего—имѣло все.

Все это называется то скрытымъ, то яснымъ.

Мягкое побѣждаетъ твердое, слабое—сильное.

Какъ рыба не можетъ покинуть глубины, такъ страна не можетъ оставаться безъ орудія.

Сильнѣе орудіе правленія не должно быть показываемо народу.

XXXVII.

Тао ничего не дѣлаетъ, но нѣтъ того, чего бы оно не сдѣлало.

Если царь и князья хорошо будутъ управлять страной, то всѣ существа преобразуются такъ, какъ они желаютъ.

Если всё существа придуть въ сильное движеніе, то удержу ихъ посредствомъ безыменной простоты.

Безыменная простота не имѣеть страсти.

Когда (въ мірѣ) не будетъ страстей, то будетъ спокойствіе повсемѣстное и на всей землѣ будетъ правда.

ВТОРАЯ КНИГА.

XXXVIII.

Люди высшей нравственности не считаютъ себя нравственными; поэтому они имѣють высшую нравственность.

Люди низшей нравственности не въ состояніи потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны.

Люди высшей нравственности, находясь въ бездѣтельности, не дѣлають ничего.

Люди низшей нравственности дѣлають то, что дѣлають.

Люди высшаго человѣколюбія, находясь въ бездѣтельности, совершаютъ дѣла, но не признають ихъ (за свои).

Люди высшей справедливости дѣлають то, что дѣлають.

Люди высшей почтительности уважають другихъ, но другіе не уважають ихъ, поэтому они принудятъ ихъ къ почтенію.

Отсюда, когда потеряно Тао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является человѣколюбіе; когда справедливость покинута, то является почтительность.

✓ Вотъ почему почтительность есть послѣдствіе ослабленія вѣрности и преданности (господину) и начало всякаго рода безпорядковъ въ странѣ.

Поэтому великій человекъ держится существеннаго и оставляетъ ничтожное. Онъ все дѣлаетъ по правдѣ, но никогда не будетъ опираться на законы.

Берите первое и бросьте послѣднее.

XXXIX.

Въ древности всякое существо достигало единства.

Небо, достигши единства, стало чистымъ.

Земля, достигши единства, стала спокойной.

Духъ, достигши единства, сталъ разумнымъ.

Долина, достигши единства, стала полной.

Всякая вещь, достигши единства, стала существовать.

Цари и князья, достигши единства, стали образцами для міра.

Все это было достигнуто благодаря единству.

Достиженіе единства во всемъ этомъ одно и то же.

Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва.

Если бы земля потеряла спокойствіе, то она была бы въ опасности разрушенія.

Если бы духъ лишился разумности, то онъ потерялъ бы (свойство) быть духомъ.

Если бы пустота долины наполнилась чѣмъ-нибудь, то она перестала бы быть долиной.

Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожилась бы.

Если бы цари и князья потеряли вѣрность и преданность (своихъ подданныхъ), то были бы свергнуты.

Отсюда благородные люди смотрятъ на неблагородныхъ, какъ на свое начало; высшіе смотрятъ на низшихъ, какъ на свое основаніе.

Цари и князья заботятся о бѣдныхъ сиротахъ и вдовахъ. Этимъ же они могли бы свидѣтельствовать о своемъ происхожденіи.

Ужели это неправда?

Если разобрать телѣгу по частямъ, то не останется телѣги.

Я не желаю быть гордымъ, какъ драгоценный камень.

Также я не желаю быть презираемымъ, какъ дикій камень.

XL.

Движеніе Тао происходитъ отъ сопротивленія (всему вещественному).

Слабость есть отличительная черта дѣйствія Тао.

Всѣ вещи произошли отъ бытія (что), и бытіе отъ небытія (ничто).

XLI.

Когда ученый услышитъ о Тао, то будетъ стараться осуществить услышанное (въ жизни).

Когда человекъ средней руки услышитъ о Тао, то не будетъ соблюдать его до конца жизни.

Когда мало ученый услышитъ о Тао, то онъ будетъ глумиться надъ нимъ.

Если бы надъ нимъ не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао. Поэтому сказано слѣдующее:

Тотъ, кто разумѣетъ очевидное Тао, кажется облеченнымъ мракомъ; тотъ, кто идетъ впередъ, держась Тао, кажется идущимъ назадъ; тотъ, кто на высотѣ Тао, кажется обыкновеннымъ смертнымъ.

Человѣкъ высшей добродѣтели похожъ на долину.

Человѣкъ высшей чистоты похожъ на презираемаго.
Человѣкъ высшей нравственности похожъ на неспо-
собнаго.

Совершающій добродѣтель похожъ на вора.

Испытывающій правду похожъ на похищающаго вещи.

У большого четырехугольника не видно угловъ.

Большой сосудъ не скоро дѣлается.

Самый громкій голось не слышенъ.

Большое изображеніе не имѣетъ никакой формы.

Тао скрыто отъ насъ, поэтому оно не имѣетъ имени.

Оно снабжаетъ всѣ существа (силой) и ведетъ ихъ къ
усовершенствованію.

XLII.

Тао произвело одно, одно—два, два—три, а три—всѣ
вещи.

Всякая вещь носить на себѣ инъ и заключаетъ въ
себѣ янъ.

Находящійся въ изступленномъ состояніи легко умиро-
творяетъ.

Люди ненавидятъ тѣхъ, которые оставляютъ сиротъ и
бѣдняковъ безъ помощи. Поэтому умные цари и князья
помогаютъ сиротамъ и бѣднякамъ; они же сдѣлаются пред-
метомъ похвалы (народа).

Потеря есть начало размноженія, множество—начало
потери.

Чему другіе учили и учать по справедливости, тому и
я учу людей.

Очень сильный не умираетъ естественною смертію.

Я сдѣлаюсь отцомъ ученія.

XLIII.

Миръ смиренъ: всѣ люди ѣдятъ и бѣгаютъ надъ его твердынею.

Небытіе поглощается безпромежуточнымъ.

Поэтому я знаю, что бездѣятельность имѣетъ высокое достоинство.

Безсловесное ученіе и бездѣятельность полезнѣе всего существующаго между небомъ и землей.

XLIV.

Что ближе къ себѣ: свое имя или собственное тѣло?

Что больше: свое тѣло или богатство?

Что тяжелѣе испытать: приобрѣтеніе или потерю?

Кто увлекается, тотъ потерпитъ большой убытокъ.

Кто имѣетъ много, тотъ можетъ потерять больше, нежели имѣющій мало.

Кто знаетъ, чѣмъ человекъ долженъ быть довольнымъ, тотъ никогда не потерпитъ позора.

Кто, зная границы своей дѣятельности, не приблизится къ опасностямъ, тотъ будетъ жить долго.

XLV.

Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистощимо (хотя безпрестанно употребляется).

Великая полнота похожа на пустоту, но польза ея неизмѣрима.

Великая прямота кажется непрямой.

Великій мастеръ кажется тупымъ.

Великій ораторъ кажется заикающимся.

Когда бѣготня преодолѣваетъ (тишину), то бываетъ холодно; когда тишина преодолѣваетъ бѣготню, то бываетъ тепло.

Полная тишина есть примѣръ всего міра.

XLVI.

Когда во всемъ мірѣ соблюдается Тао, то быстрые кони забудутся и вся нива будетъ обрабатываться.

Когда на всей землѣ не соблюдается Тао, то военные кони будутъ расти въ окрестностяхъ города.

Нѣтъ грѣха тяжелѣе страстей.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе незнанія удовольворенія.

Нѣтъ преступленія тяжелѣе жаднаго хотѣнія приобрѣсти много.

Вотъ почему знающій мѣру бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ.

XLVII.

Не выходя изъ дома, (мудрецы) знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Не глядя въ окно, они видятъ Небесное Тао.

Чѣмъ больше удаляешься отъ дома, тѣмъ меньше знаешь. Поэтому, святые (мудрецы) достигаютъ знанія, не выходя никуда; не видя предмета, они знаютъ названіе его.

Не дѣлая ничего, они совершаютъ много.

XLVIII.

Ученіе прибавляется со дня на день, но Тао теряется со дня на день.

Эта потеря увеличится и дойдетъ до желанія недѣланія.

Когда человекъ дойдетъ до недѣланія, то нѣтъ того, чего бы не было сдѣлано.

Если въ мірѣ все въ порядкѣ, то слѣдуетъ завладѣть имъ, но если нѣтъ, то не слѣдуетъ.

XLIX.

Святые люди не имѣютъ опредѣленнаго (чувства), ибо они принимаютъ чувство простолюдина, какъ свое.

Добрыхъ людей я принимаю уже по тому одному, что они добры. Злыхъ принимаю, какъ добрыхъ.

Искреннимъ людямъ я вѣрю; также и вѣрю неискреннимъ, ибо въ этомъ и состоитъ верхъ искренности.

Когда святые живутъ на землѣ, то они просты и тихи; они питаютъ ко всѣмъ одинаковое чувство.

Для (блага) міра они дѣлаютъ свои сердца темными. Простые люди будутъ смотрѣть на нихъ (какъ на своихъ учителей) и будутъ слушать сказаніе о ихъ дѣлахъ.

Святые смотрятъ на народъ, какъ на младенца.

L.

(Всѣ существа), уходя изъ жизни, входятъ въ смерть.

Жизнь имѣетъ 13 ступеней своего развитія; смерть также имѣетъ 13 ступеней.

Ступеней человѣческой жизни, которая постоянно стремится къ смерти, опять 13.

Это почему? Потому что стремленіе къ жизни слишкомъ сильно.

Я слышалъ, что ведущій воздержанную жизнь не боится ни носорога, ни тигра, ни быть на полѣ сраженія безъ воинскаго наряда, ибо на немъ нѣтъ мѣста, куда носорокъ

могъ бы ударить рогомъ, тигръ могъ бы вонзить свои ост-
рые когти и воинъ могъ бы нанести ударъ мечемъ.

Это почему? Потому что для ведущаго жизнь воздер-
жанную не существуетъ смерти.

LI.

Тао производитъ существа, добродѣтель кормить ихъ;
они даютъ имъ вещественную форму, а могущество ихъ
совершенствуетъ вещи.

Поэтому всё существа почитаютъ Тао и добродѣтель.

Никто не сообщалъ Тао его достоинства, а добродѣ-
тели—ея цѣнности: но они сами собой вѣчно обладаютъ ими.

Поэтому Тао производитъ вещи, питаетъ ихъ, даетъ
имъ ростъ, совершенствуетъ, дѣлаетъ зрѣлыми, кормитъ и
защищаетъ.

Оно производитъ ихъ и не дѣлаетъ ихъ своими; дѣ-
лаетъ ихъ тѣмъ, что они есть, и не хвалится ими; оно
царствуетъ надъ ними и оставляетъ ихъ свободными.

Вотъ что называютъ глубокой добродѣтелью.

LII.

Вселенная имѣетъ начало, которое и есть мать всего
міра. По матери можно знать ея сына.

Когда сынъ извѣстенъ, то и мать будетъ сохранена не-
вредимо.

Хотя тѣло умираетъ, но (сущность его) никогда не
уничтожается.

Кто закрываетъ уши и глаза, тотъ останется безъ упо-
требленія во всю жизнь.

Кто прислушивается ко всему изящному и старается
удовлетворить страстямъ, тотъ никогда не спасется.

Могущій разбить мельчайшія вещи, называется ясно-видцемъ.

Сохраняющій мягкость называется могущественнымъ.

Употребляющій свѣтъ называется блестящимъ.

Тѣло истлѣваетъ, не оставляя ничего послѣ себя. Это и есть наслѣдіе вѣчности.

LIII.

Я беззаботенъ, но имѣю умъ, поэтому живу о великомъ Тао.

Я раздаю милостыню въ великомъ страхѣ.

Большая дорога (Тао) гладка и ровна, но люди любятъ ходить по тропинкамъ.

Когда правительство перестанетъ заботиться о благосостояніи народа, то поля опустѣютъ и государственное хлѣбохранилище не наполнится никогда; люди будутъ надѣвать на себя разноцвѣтныя одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами.

Все это совокупно называется разбойничьею гордостью.

Ужели это есть Тао?!

LIV.

Крѣпко стоящаго нельзя вынуть.

Хорошо связаннаго нельзя развязать.

Дни кончины предковъ празднуются потомками. Кто совершаетъ это для самаго себя, тотъ дѣлаетъ добро только для одного себя; кто совершаетъ это для своего дома, тотъ дѣлаетъ добро для своего дома; кто совершаетъ это для своей деревни, тотъ будетъ начальникомъ въ ней; кто совершаетъ это для своей страны, тотъ дѣлаетъ добро для страны; кто совершаетъ это для всего міра, тотъ дѣлаетъ добро для всего міра.

Я изучаю тѣло по тѣлу, домъ—по дому, деревню—по деревнѣ, страну—по странѣ и, наконецъ, весь міръ—по всему міру.

Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

LV.

Достигшій нравственнаго совершенства похожъ на младенца.

Вредоносныя насѣкомыя не укусятъ его; дикіе звѣри не сдѣлаютъ ему вреда; хищныя птицы не вопьются въ него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но онъ будетъ держать предметъ очень крѣпко.

Хотя онъ не знаетъ, какъ совокупляется самецъ съ самкою и какъ образуется зачатокъ во чревѣ, но ему извѣстно до подробности все, что совершается въ мірѣ.

Хотя онъ кричитъ цѣлый день, но голосъ его никогда не ослабѣетъ, ибо въ немъ (голосѣ) существуетъ полнѣйшая гармонія.

Знаніе гармоніи называется постоянствомъ.

Знаніе постоянства называется очевидностью.

Творить пріятное только для плоти называется нечистотою.

Душа, могущая господствовать надъ своимъ настроеніемъ, есть сильная (душа).

Вообще, цвѣтущее отцвѣтаетъ, ибо въ немъ нѣтъ Тао.

Гдѣ нѣтъ Тао, тамъ скоро наступитъ конецъ.

LVI.

Знающій много молчаливъ, а говорящій много не знаетъ ничего.

Тао закрываетъ свои глаза, затворяетъ ворота, ослаб-

ляеть остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ свѣтъ, собираетъ мелочь.

Это называется непостижимымъ единствомъ.

Сродниться съ Тао невозможно; пренебрегать имъ нельзя; воспользоваться имъ непозволительно; повредить ему никто не можетъ; чтить его нѣтъ основанія; презирать его также нѣтъ причины.

Отсюда видно, что Тао благороднѣе всего существующаго въ мірѣ.

ЕVII.

Безъ справедливости нельзя управлять страной.

Для того, чтобы вести войну успѣшно, необходима ловкость.

Когда въ странѣ нѣтъ (еще) безпорядка, (тогда) слѣдуетъ имъ овладѣть.

Какъ я могу постигнуть, почему въ мірѣ такой порядокъ, а не иной?

Когда въ странѣ много такого, что должно быть уничтожено, народъ обѣднѣетъ.

Когда въ странѣ много удобныхъ машинъ, то народъ перестаетъ работать.

Когда въ народѣ много искусныхъ мастеровъ, то увеличится число чудовищныхъ вещей.

Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій, то число преступниковъ увеличится.

Отсюда учить и святой: „когда я ничего не дѣлаю (т.-е. не предпринимаю ничего новаго), то народъ дѣлается лучше; когда я спокоенъ, то народъ дѣлается справедливымъ; когда я не предпринимаю ничего новаго, то народъ обогащается; когда во мнѣ не будетъ никакой страсти, то народъ сдѣлается простодушнымъ“.

LVIII.

Когда не будет мелочности въ управленіи государствомъ, то народъ обогатится. А когда управленіе государствомъ мелочно, то народъ обѣднѣетъ.

О, бѣда! Гдѣ благо, тамъ и несчастіе.

О, благо! Гдѣ бѣда, тамъ и счастье.

Но я не знаю, гдѣ оканчивается бѣда и гдѣ начинается счастье.

Гдѣ нѣтъ правды, тамъ люди будутъ относиться къ правдѣ, какъ къ чему-то странному,—къ добру, какъ къ призрачному.

Издавна люди находятся въ заблужденіи, поэтому святой мужъ никогда не сдѣлаетъ имъ уступки.

Онъ не корыстолюбивъ, но ничего не раздаетъ имъ.

Онъ — праведникъ, поэтому онъ ничего не сдѣлаетъ своевольно.

Хотя онъ—свѣтило для всего міра, но не любитъ блеска.

LIX.

Для того, чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержаніе.

Воздержаніе—это первая ступень добродѣтели, которая и есть начало нравственнаго совершенства.

Человѣкъ высокой нравственности преодолѣетъ всякую трудность.

Глубина и могущество силы преодолѣвшаго всякую трудность неизмѣримы.

Онъ можетъ быть владыкою міра.

Владыка міра и есть мать вселенной.

Мать вселенной будетъ жить вѣчно, ибо она имѣетъ глубокой корень и крѣпкое основаніе.

LX.

Управление великой страной напоминает приготовление вкуснаго блюда изъ мелкихъ рыбъ.

Когда святой мужъ будетъ управлять странюю, то злой духъ перестанетъ быть богомъ.

Это, впрочемъ, не значить, что злой духъ перестанетъ быть богомъ (или духомъ),—но люди не будутъ терпѣть вреда отъ него.

Святой мужъ никому не сдѣлаетъ вреда и никто не повредитъ ему.

Поэтому нравственность святаго мужа все болѣе и болѣе усовершенствуется.

LXI.

Великая страна похожа на устье рѣки.

Совокупленіе вселенной есть начало всего міра.

Самка всегда побѣждаетъ самца потому, что она тиха и спокойно стоитъ ниже самца.

Когда большая страна стоитъ ниже маленькой, то первая завладѣетъ послѣдней.

Когда маленькая страна стоитъ ниже большой, то первая завладѣетъ послѣдней.

Отсюда видно, что стоящая ниже другихъ страна будетъ владычествовать надъ всѣми другими.

Что такое большая страна и маленькая?

Большая страна—вмѣстилище многихъ народовъ, а маленькая—вмѣстилище немногихъ.

Если правитель страны будетъ стоять ниже другихъ, то онъ осуществитъ свой добрый замыселъ.

Отсюда ясно, что желающій быть великимъ долженъ быть ниже всѣхъ.

LXII.

Тао есть глубина бытія. Оно и есть сокровище добрыхъ людей,

Оно также и есть то, что держать злые люди.

Изящныя слова могутъ быть куплены цѣною.

Добрыя поступки могутъ быть совершаемы всѣми.

Хотя люди злы, но нельзя совсѣмъ бросить ихъ.

Выбираютъ царя и трехъ великихъ сановниковъ. Имѣя въ рукахъ драгоцѣнный камень, они развѣзжаютъ въ колесницахъ, но это безконечно хуже, нежели проповѣдывать Тао, сидя на одномъ мѣстѣ.

Въ чемъ заключается причина того, что въ древности Тао глубоко уважалось?

Не въ томъ ли заключается, что благодаря Тао, прощались преступники?

Оттого, быть можетъ, въ древности Тао почиталось во всемъ мѣрѣ.

LXIII.

Всѣ должны быть бездѣтельными.

Всѣмъ слѣдуетъ соблюдать полное спокойствіе.

Всѣ должны употреблять простѣйшую пищу.

Великое есть малое, многое— не многое.

Ненавидящимъ васъ отмстите добромъ.

Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время бѣды, такъ какъ великая бѣда начинается съ незначительной.

Бѣда всего міра происходитъ изъ мелочи, какъ великое дѣло—изъ малыхъ.

Святой мужъ не желаетъ быть великимъ міра, поэтому и совершаетъ великое дѣло.

Легко достигнутое согласіе не заслуживаетъ довѣрія.

Гдѣ много легкихъ дѣлъ, тамъ много и трудныхъ.

Вотъ почему святой мужъ всегда живетъ какъ въ бѣдѣ, поэтому для него не существуетъ бѣды.

LXIV. †

Не трудно держать легкую вещь.

Легко предотвратить (бѣду) до полного обнаруженія.

Слабаго легко разбить, мелкаго легко разсѣять.

Слѣдуетъ устраивать защиту тогда, когда еще нѣтъ (въ томъ) надобности (т.-е. нѣтъ враговъ).

Слѣдуетъ заботиться о спокойствіи страны тогда, когда еще въ ней все въ порядкѣ.

Дерево, которое нельзя обнять руками (т.-е. большое), выросло изъ маленькаго.

Девятиэтажная башня созидается изъ клочковъ земли.

Чтобы пройти тысячу верстъ, нужно начать ходьбу съ одного шага.

Кто можетъ создать, тотъ можетъ и разрушить.

Имѣющій можетъ потерять.

Святой мужъ ничего не создаетъ, поэтому ничего не разрушаетъ; онъ ничего не имѣетъ, поэтому ничего не потеряетъ.

Кто, предпринимая дѣло, спѣшитъ наскоро достигнуть результата, тотъ ничего не сдѣлаетъ.

Кто осторожно оканчиваетъ свое дѣло, какъ началъ, тотъ не потерпитъ неудачи.

Поэтому святой мужъ всегда старается быть безпристрастнымъ, не придавать цѣнности трудно-добываемымъ вещамъ и не слушать бесплоднаго ученія.

Онъ повторяеть то, что дѣлалось многими.

Онъ будетъ стараться, чтобы пособить естественному теченію вещей, но ни въ какомъ случаѣ не препятствовать ему.

LXV.

Въ древности исполнявшіе Тао не старались просвѣтить народъ: они держали его въ невѣжествѣ.

Причина того, что трудно управлять народомъ, заключается въ томъ, что народъ просвѣщается и въ немъ много умныхъ.

Когда страна управляется безъ всякаго умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе.

Знающій (сущность) этихъ двухъ пунктовъ будетъ образцомъ нравственной жизни (для народа). Его будутъ называть (человѣкомъ) непостижимой добродѣтели.

О, глубока и непостижима нравственность!

Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но никогда не сопротивляется ничему.

Она соблюдаетъ великое послушаніе.

LXVI.

Причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ (по которымъ текутъ рѣчки), заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ.

Вотъ почему рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ.

Когда святой желаетъ поднять народъ, то понижаетъ его. Когда онъ желаетъ поставить его впередъ, то ставитъ его назадъ.

Отсюда, когда народъ займетъ высокое мѣсто, то не

будетъ гордиться; когда ~~идетъ~~ впередъ, то никому не сдѣлаетъ вреда.

Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей землѣ будетъ миръ.

Когда все будетъ миръ на всей землѣ, то не будетъ ссоры.

LXVII.

На всей землѣ люди говорятъ, что мое Тао велико.

Правда, оно похоже на безумство, но несомнѣнно велико.

Я имѣю три преимущества, которыя я сохраняю, какъ сокровище.

Первое изъ трехъ сокровищъ есть человѣколюбіе.

Второе—бережливость.

Третье—смиреніе или то, благодаря чему я не желаю быть руководителемъ для всей земли.

Человѣколюбивые храбры.

Бережливые щедры.

Смиренные или не желающіе быть руководителями для всей земли будутъ полезны на долгое время.

Кто храбръ, не зная человѣколюбія, кто щедръ, не зная бережливости, кто идетъ впередъ, не зная смиренія, тотъ погибнетъ.

Кто ведетъ войну ради человѣколюбія, тотъ побѣдитъ враговъ. Если онъ защититъ народъ, то оборона будетъ сильна.

Это потому, что его спасетъ Небо, которое дорожитъ подобнымъ человѣкомъ.

LXVIII.

Истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не воюетъ.

Превосходный воинъ никогда не разгнѣвается.

Побѣдитель никогда не попроситъ содѣйствія посторонняго.

Умѣющій пользоваться людьми охотно занимаетъ низкое мѣсто, что называется добродѣтелью безъ сопротивленія, средствомъ для (благоразумнаго) пользованія (услугами) людей и, наконецъ, согласованіемъ съ Небомъ.

Таково древнее постановленіе.

LXIX.

Въ „военномъ искусствѣ“ говорится, что на войнѣ я никогда не бываю активнымъ, а пассивнымъ.

Не сдѣлавъ ни шага впередъ, идти назадъ аршинъ—значитъ: уступить врагамъ оспариваемое безъ сопротивленія.

Когда нѣтъ враговъ, то не бываетъ войны.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе, чѣмъ презирать враговъ.

Презирать враговъ все равно, что бросить богатства безъ надобности.

Плачущій объ увеличеніи своего войска всегда будетъ побѣдителемъ.

LXX.

Я говорю, что очень легко приобрести знаніе и творить благія дѣла.

Между тѣмъ, на всей землѣ никто не знаетъ этого и не дѣлаетъ благихъ дѣлъ.

Въ словахъ долженъ быть принципъ, въ дѣлахъ—господинъ.

Нѣтъ знанія. Вотъ почему я не знаю ничего.

Знающихъ меня мало, поэтому я почтителенъ.

Отсюда, святой мужъ надѣваетъ на себя худую одежду, но въ себѣ имѣетъ драгоценный камень.

LXXI.

Кто, зная много, держитъ себя, какъ незнающій ничего, тотъ—нравственный мужъ.

Кто, не зная ничего, держитъ себя, какъ знающій много, тотъ боленъ.

Кто болѣетъ тѣлесною болѣзнью, тотъ еще не (есть) дѣйствительно больной.

Святой мужъ никогда не болѣетъ, ибо онъ не знаетъ болѣзни, хотя болѣетъ (тѣломъ).

LXXII.

Когда народъ перестаетъ бояться сильнаго, то сильный нападаетъ на него.

Каково бы ни было жилище, оно для святого не тѣсно.

Каково бы ни было мѣсто рожденія, для святого все равно.

Никакой предметъ не стѣсняетъ его, поэтому и онъ не стѣсняетъ никого.

Хотя святой хорошо знаетъ свое достоинство, но никогда не обнаружитъ этого.

Хотя ему не чуждо самолюбіе, но онъ никогда не гордится.

Вотъ почему всѣ должны удалиться отъ перваго и приблизиться къ послѣднему.

LXXIII.

Кто силенъ и дерзокъ, тотъ убьетъ людей.

Кто силенъ, но не дерзокъ, тотъ оживитъ людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знаетъ, почему небо любитъ одинъ предметъ.

а другой нѣтъ. Рѣшить этотъ вопросъ даже святой мужъ не можетъ.

Небесное Тао никогда не ссорится, поэтому оно пообѣждаетъ всѣхъ.

Хотя оно мало говоритъ, но обсуждаетъ лучше, нежели многорѣчивые.

Никто не вызываетъ (Тао), но оно присутствуетъ вездѣ.

Намъ кажется, что оно ничего не дѣлаетъ, но на самомъ дѣлѣ оно дѣйствуетъ лучше всѣхъ.

Небесная сѣть не плотна и какъ будто пропускаетъ всѣ предметы черезъ себя; но изъ нея ничего не выйдетъ наружу.

LXXIV.

Народъ не боящійся смерти нельзя страшить смертью.

Народъ, приученный бояться смерти, нельзя страшить дѣлами, могущими причинить ему смерть.

Есть люди, должность которыхъ—убивать. Убивающій людей вмѣсто палача называется намѣстникомъ убійцы.

Намѣстникъ убійцы повредитъ свою руку, совершая убійство.

LXXV.

Оттого народъ голодаетъ, что слишкомъ велики и тяжелы государственные налоги.

Это именно—причина бѣдствія народа.

Народъ сдѣлается непослушнымъ, если правительство будетъ хлопотать о нихъ чрезмерно много.

Это именно—причина непослушанія народа.

Когда народъ слишкомъ сильно ищетъ жизни, то онъ будетъ смотрѣть на смерть, какъ на самое легкое дѣло.

Это и есть причина пренебрежительнаго отношенія народа къ смерти.

Вотъ почему не ищущій жизни мудрѣе ищущаго ея.

LXXVI.

Новорожденный младенецъ нѣженъ и слабъ.

Трупъ мертвеца крѣпокъ и не гибокъ.

Только-что распустившееся растеніе нѣжно и слабо.

Засохшее растеніе твердо и не гибко.

Отсюда ясно, что нѣжное и слабое живетъ.

Сильное войско не побѣдоносно.

Нельзя поломать связку прутьевъ.

Сильное находится внизу, а слабое—наверху.

LXXVII.

Небесное Тао похоже на человѣка, натягивающаго тетиву на лукъ; высокій поднимаетъ лукъ наверхъ, а низкій поднимаетъ взоръ наверхъ.

Имѣющій избытокъ потерпитъ потерю.

Страдающій недостаткомъ будетъ имѣть избытокъ.

Потому что небесное Тао всегда отнимаетъ у избылюющихъ и отдаетъ страдающимъ недостаткомъ.

Человѣческое Тао, впрочемъ, наоборотъ: оно отнимаетъ отъ неимѣющихъ и отдаетъ избылюющимъ.

Поэтому, кто посвящаетъ свой избытокъ всему міру, тотъ имѣетъ Тао.

Святой мужъ дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ заслуги, но не признаетъ ихъ, потому что онъ не желаетъ обнаружить свою мудрость.

✓LXXVIII.

Хотя въ мірѣ нѣтъ предмета, который былъ бы слабѣе и нѣжнѣе воды, но она можетъ разрушить самый твердый предметъ.

Въ мірѣ нѣтъ вещи, которая побѣдила бы воду, ибо она нѣжнѣе и слабѣе всѣхъ вещей.

Извѣстно, что слабое существо побѣждаетъ сильное, нѣжное—крѣпкое, но никто этого не признаетъ.

Святой мужъ говоритъ, что получившій (отъ царя) удѣлъ сдѣлается господиномъ; но принимающій на себя несчастье страны сдѣлается царемъ ея.

Голосъ истины противенъ слуху.

LXXIX.

Послѣ сильной ненависти останется слабая ненависть.

Ненавидящій, хоть слабо, не можетъ творить добро для ненавистнаго.

Святой беретъ отъ всѣхъ клятвенное свидѣтельство, но не притѣсняетъ никого.

Нравственный человѣкъ соблюдаетъ клятву, а безнравственный нарушаетъ.

Небесное Тао не имѣетъ родственниковъ, поэтому оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ.

LXXX.

Такъ какъ въ маленькомъ государствѣ мало народа, то хотя въ немъ много лучшихъ орудій, но они останутся безъ употребленія и безъ надобности.

Народъ такого государства потеряетъ всякую предприимчивость и умретъ на мѣстѣ своего рожденія, не двигаясь никуда.

Если у него много возовъ и кораблей, то они останутся безъ употребленія.

Хотя онъ имѣетъ благоустроенное войско, но негдѣ выставить его.

Онъ будетъ плестъ веревку, чтобы ею оградить свое государство.

Хотя онъ ѣсть хорошо, одѣвается красиво, устраиваетъ покойное жилище и живетъ весело, но существованіе его будетъ бесполезно.

Хотя такое государство находится съ сосѣднимъ въ такомъ близкомъ разстояніи, что слышны пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ въ немъ, но сообщенія между ними никогда не будетъ.

LXXXI.

Голосъ истины неизященъ, а изящная рѣчь лжива.

Нравственный человѣкъ не краснорѣчивъ, а краснорѣчивый—лжець.

Мудрецъ не знаетъ многого, а знающій много—не мудрецъ.

Святой мужъ ничѣмъ не запасается. Если запасается чѣмъ-нибудь, то для другихъ.

Когда онъ имѣетъ что-нибудь, то все раздаетъ другому.

Поэтому запасъ его все болѣе и болѣе увеличится.

Небесное Тао полезно: оно не имѣетъ въ себѣ ничего вреднаго для людей.

Тао святыхъ—творить добро и не ссориться.

Примѣчанія.

Источниками для настоящихъ примѣчаній къ книгѣ Лао-Си „Тао-Те-Кингъ“ послужили, главнымъ образомъ, слѣдующія книги: Д. П. Конисси. Философія Лаоси. „Вопросы филос. и психол.“, книги XVIII и XXIII.—„Тао-Те-Кингъ“ Лаоси. Перев. его же, *ibid*, кн. XXIII.—В. Васильевъ. Религія востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Спб. 1873 г.—архим. Хрисанеъ. Религіи древняго міра. Томъ I. Спб. 1873 г.—Георгіевскій. Принципы жизни Китая. Спб.—Stanislas Julien. Lao-Tzeu Tao-te-King. Paris, 1842 г.—Вл. Соловьевъ. Китай и Европа. Собр. соч., т. VI, изд. 1912 г.—Изреченія Лао-Тзе, избранныя Л. Н. Толстымъ. М. 1911 г.—Лаотзе. Книга пути. Переводъ К. Вальмонта въ сборникѣ „Зовы древности“. Спб. 1908 г. и нѣкотор. друг. сочиненія справочнаго характера.

О ЖИЗНИ ЛАО-СИ.

Жизнеописаніе Лао-Си можетъ занять нѣсколько томовъ или умѣститься въ нѣсколькихъ строкахъ, смотря по тому, примемъ ли мы за жизнеописаніе народный мнѣе о Лао-Си или тѣ нѣсколько сухихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, съ великимъ трудомъ добытыхъ синологами, да и то не совершенно достовѣрныхъ. Если мы примемъ послѣднее, изъ огромной народной книги о Лао-Си для насъ останется одна страница; при болѣе строгомъ отношеніи—одна строка изъ страницы, при еще болѣе строгомъ—одно слово изъ строки—имя Лао-Си. Но и это имя окажется не именемъ: Лао-Си—значить „престарѣлый философъ“—слѣдовательно, есть только прозвище, данное Лао-Си; слѣдую-

щее прозвание Лао-Си — „Хакуянь“ — также не имя: это только псевдоним философа, принятый имъ по обычаю китайскихъ ученыхъ; наконецъ, мы узнаёмъ, что фамилія его была „Ли“, а имя „Си“.

Объемъ наименѣе оспариваемыхъ и наиболѣе научно-устойчивыхъ свѣдѣній о Лао-Си крайне не великъ.

Годъ рожденія Лао-Си неизвѣстенъ; его относятъ къ началу VI-го вѣка до Р. Х. Хронологія всемірной исторіи, принятая въ современной Японіи, принимаетъ за годъ рожденія Лао-Си—604; этотъ же годъ указываетъ и извѣстный синологъ Julien. Главнѣйшимъ и единственнымъ по достовѣрности источникомъ для жизнеописанія Лао-Си является китайскій историкъ Сымацянь, авторъ „Историческихъ повѣствованій“, сочувственно относящійся къ таосизму. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ Сымацяня, а также и изъ другихъ китайскихъ источниковъ, приводятся здѣсь по переводу съ китайскаго, сдѣланному Д. П. Конисси. Родители Лао-Си жили въ селѣ Кѣку-Зинь, уѣзда Лей, провинціи Ку, въ королевствѣ Сѣ, лежавшемъ близъ современнаго Пекина. Ремесло родителей Лао-Си неизвѣстно. Его имя—Си, фамилія—Ли. Есть извѣстіе, что фамилію Ли философъ носилъ по матери, а свой псевдонимъ Хакуянь—по отцу. Незвѣстно, какое образованіе получилъ Лао-Си; но тотъ фактъ, что въ дальнѣйшемъ Лао-Си былъ на государственной службѣ, для поступленія на которую необходимо было сдать трудные экзамены, показываетъ, что Лао-Си и въ дѣтствѣ получилъ нѣкоторое образованіе.

На нѣкоторыя черты жизни Лао-Си есть весьма смутныя указанія въ самой его книгѣ „Тао-Те-Кингъ“.

Можно думать, что онъ былъ очень небогатъ, простъ, скромнень, нетребователенъ. „Многіе люди богаты,—гово-

рить онъ въ XX гл.,—но я не имѣю ничего, какъ будто все потерялъ. „Я раздаю милостыню въ великомъ страхѣ“ (гл. ЕIII). Занимая официальное мѣсто, Лао-Си, очевидно, былъ вполне обезпеченъ; лишь послѣднее признаніе о милостынѣ объясняетъ намъ другое признаніе: „я не имѣю ничего“.

Лао-Си былъ женатъ: Сымацянь сообщаетъ о сынѣ философа, Сб, служившемъ въ военной службѣ, столь отрицаемой Лао-Си.

Лао-Си былъ начальникомъ императорскаго книгохранилища (или государственнаго архива).

Неизвѣстно ничего болѣе о служебной дѣятельности философа. Несомнѣнно лишь то, что этотъ постоянно-свободный доступъ въ величайшее книгохранилище въ Китаѣ далъ Лао-Си возможность въ совершенствѣ узнать всю письменность Китая. Можно думать, что самое недовольство философа практической мудростью своего народа было порождено именно совершеннымъ знаніемъ этой мудрости. Съ другой стороны, пребываніе въ самомъ центрѣ политической жизни страны внушило Лао-Си критическое отношеніе къ тѣмъ ея формамъ, въ которыя она выливалась въ современномъ ему Китаѣ.

У историка Сымацяня сохранено извѣстіе о свиданіи Лао-Си съ Конфуціемъ. Впервые въ этомъ свиданіи обнаружилась двѣ силы китайскаго міросознанія: та, которая сдѣлала Китай Китаемъ, и та, которая дала ему только мудрую книгу, совершенно имъ не понятую: сила срединнаго „Конфуціанства“, и безсиліе Лао-Си, про котораго Вл. С. Соловьевъ сказалъ, что онъ „единственное исключеніе“ изъ „не великаго“ народа, въ которомъ „не было и великихъ людей“.

Свиданіе это имѣетъ долю историческаго вѣроятія Кон-

фуцій родился, по преданію, въ 551 году; стало-быть, въ старости Лао-Си могъ его видѣть); еслибъ оно и не имѣло этой доли, оно символически было бы неизбѣжно.

„Когда Конфуцій находился въ Сиу,—пишетъ Сыманьянъ,—то онъ посѣтилъ Лао-Си, чтобы услышать мнѣніе его относительно обрядовъ.

„Обрати вниманіе на то,—сказалъ Лао-Си Конфуцію,— что люди, которые учили народъ, умерли, и кости ихъ уже давно истлѣли, но слова ихъ доселѣ существуютъ. Когда мудрецу благопріятствуютъ обстоятельства, онъ будетъ разъѣзжать на колесницахъ,—когда же нѣтъ, онъ будетъ ходить, нося на головѣ тяжесть, держась руками за края ея.

„Я слышалъ, что опытный купецъ скрываетъ свой товаръ, какъ будто ничего не имѣетъ. Точно также, когда мудрецъ имѣетъ высокую нравственность, то наружность его этого не выражаетъ. Ты брось свою гордость, вмѣстѣ со всякаго рода страстями; оставь свою любовь къ прекрасному, вмѣстѣ съ склонностью къ чувственности, потому что онѣ бесполезны для тебя“.

„Вотъ что я говорю тебѣ, и больше ничего не скажу“.

„Удалившись отъ нашего мудреца, Конфуцій сказалъ своимъ ученикамъ: Я знаю, что птицы умѣютъ летать,—рыбы умѣютъ плавать въ водѣ и животныя умѣютъ бѣгать. Также знаю, что бѣгущихъ можно остановить тенедами, плавающихъ—сѣтями, а летающихъ—силками. Но, что касается дракона, то я не знаю ничего. Онъ несется на облакахъ и поднимается на небо“.

„Я сегодня увидѣлъ Лао-Си. Не драконъ ли онъ“.

Опредѣляя сущность религіознаго сознанія китайцевъ, арх. Хрисанъ говоритъ: „Всѣ священныя или авторитет-

ныя книги Китая — по преимуществу, содержанія нравственно-практическаго. Но ни одно изъ заключенныхъ въ нихъ нравственныхъ правилъ не возвышается надъ обычными, естественными требованіями такъ называемой житейской мудрости, житейскаго разсчета“. Именно обладателемъ такой мудрости предсталъ предъ Лао-Си Конфуцій и въ лицѣ его какъ бы самъ Китай предсталъ предъ Лао-Си; выслушалъ его почтительно, назвалъ его дракономъ,—и ничему не научился отъ него. Судьба Лао-Си была совершенно такая же въ Китаѣ: его выслушали, не только назвали дракономъ, но обожествили,—и все же, какъ отъ Конфуція въ повѣствованіи историка, ушелъ Лао-Си отъ Китая на западъ, къ варварамъ.

Лао-Си оставилъ государственную службу, недовольный теченіемъ общественныхъ и политическихъ дѣлъ, и удалился въ уединеніе — поступокъ, единственный, можетъ быть, во всей исторіи Китая до Лао-Си. Онъ посвятилъ свою жизнь созерцанію и размышленію; поселился въ уединенной пещерѣ и тамъ-то, по преданію, обдумалъ свою книгу. Объ уединеніи Лао-Си писалъ въ ней: „Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ приобрѣтено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе). Вотъ это-то и есть небесное Тао“ (IX).

Наконецъ, онъ вознамѣрился покинуть Китай совершенно. Онъ рѣшилъ уйти въ страны варваровъ, черезъ западную границу. Это указаніе на отшествіе Лао-Си на западъ чрезвычайно важно: оно,—по свидѣтельству проф. Васильева,—„какъ бы указываетъ на связь книги Лао-Си съ западомъ“. Западъ отнимаетъ Лао-Си у Китая и изъ-за китайскихъ стѣнъ конфуціанской и всекитайской „средины и постоянства“ уводитъ къ западному богостроительству,—буддйскому и чуть ли не къ еще болѣе намъ близкому:

„Въ новѣйшее время,—пишетъ проф. Васильевъ,—„въ дошедшей до насъ книгѣ (Лао-Си. С. Д.) отыскали уже имя Іеговы; оно, хотя и переписанное китайскими іероглифами, которымъ дають соотвѣтственное языку толкованіе, поражаетъ уже тѣмъ, что китайскій языкъ собственно не употребляетъ для названія больше двухъ іероглифовъ (а здѣсь три), да и идея, выражаемая ими, также подходит къ западнымъ понятіямъ о Божествѣ, совершенно прежде неизвѣстнымъ на востокъ“ (ор. cit., 76-77).

Какъ бы то ни было, аскетическое устремленіе Лао-Си къ уединенію, молчанію и созерцанію,—есть отрицаніе, по существу, всего китайскаго религіознаго сознанія и дѣйствованія. Китаецъ, по опредѣленію нашего извѣстнаго сиолога Георгіевскаго, относящагося къ духовному строю жизни Китая съ большимъ сочувствіемъ,—„это конфуціанецъ въ теоріи (всего чаще) и на практикѣ (почти всегда), это человекъ, полагающій цѣль своей жизни въ личномъ земномъ благоденствіи и пользующійся для достиженія цѣли сыновнимъ благочестіемъ, какъ средствомъ основнымъ, обусловливающимъ всѣ другія средства“ (стр. 459). Съ этой точки зрѣнія, очевидно, не было болѣе некитайскаго китайца, чѣмъ Лао-Си съ его „уходомъ“ изъ Китая для исканія возможности желаемой имъ совершенной аскезы.

По преданію, сообщаемому Сымацянемъ, направляясь на западъ, Лао-Си достигъ горнаго прохода, находившагося на границѣ имперіи. Тамъ его встрѣтилъ начальникъ пограничной стражи Инъ-Ки (или Инъ-Си), бывшій глубокимъ почитателемъ философа. Полагая, что Лао-Си хочетъ исчезнуть навсегда, Инъ-Ки сказалъ ему: „Философы! ужели ты думаешь скрыться? Если такъ, то прошу—изложи сначала свое ученіе для нашего наставленія“. Въ отвѣтъ на это Лао-Си написалъ свою книгу „Тао-Те-Кингъ“. По ки-

тайскому исчисленію, въ этотъ именно годъ родился Сидарта Будда.

Это преданіе о созданіи „Тао-Те-Кинга“ недостоверно: совершенно очевидно, что книга Лао-Си, пестрая по составу, не цѣльная даже по главамъ, написана въ разное время и есть сборникъ афоризмовъ, составлявшихся по разнымъ случаямъ и при различныхъ обстоятельствахъ.

О жизни Лао-Си въ его уединеніи неизвѣстно ничего. Сымацянь пишетъ лишь: „Нѣкоторые думаютъ, что Лао-Си жилъ до 160 лѣтъ отъ роду, другіе—до 200 лѣтъ, благодаря своей святой жизни, согласной съ Тао“. Древнія китайскія изображенія Лао-Си рисуютъ его уѣзжающимъ на западъ на быкѣ; его изображаютъ при этомъ съ большой бородой—признакъ, что философъ, уѣзжая, уже достигъ 60-лѣтняго возраста, такъ какъ лишь съ этого возраста китайцамъ разрѣшалось ношеніе бороды. О внѣшности Лао-Си существуетъ апокрифическое свидѣтельство въ исторіи Сымацяня: „Лао-Си былъ высокаго роста; цвѣтъ лица у него былъ желтый, красивыя брови, длинныя уши, широкій лобъ, рѣдкіе и некрасивые зубы, четырехъ-угольный ротъ съ толстыми и безобразными губами“.

Вокругъ этого остова свѣдѣній о философѣ Лао-Си образовался мифъ о великомъ и всемогущемъ мудрецѣ Лао-Си. Отъ Лао-Си ведетъ свое начало даосизмъ (или таосизмъ), распространенное въ Китаѣ, въ простомъ народѣ, вѣроученіе. „Даосизмъ есть самый разнородный составъ всякаго рода вѣрованій и приемовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, даже не старавшихся обобщиться посредствомъ какой-нибудь системы. У всѣхъ у нихъ одного общаго только имя, да то, что всѣ они согласно признаютъ своимъ учителемъ Лао-Цзы“—говоритъ о таосизмѣ китайскій писатель Ма-Дуань-Линь.

Чрезвычайно мѣтко указываетъ однако проф. Васильевъ то общее, что есть у всѣхъ этихъ, дѣйствительно, противорѣчивыхъ и взаимно исключаютшихъ другъ друга учений, именуемыхъ таосизмомъ: „Общая связь всѣхъ разнородныхъ системъ даосизма заключается въ ихъ протестѣ противъ конфуціанства, въ принятіи именно того, что не согласно съ этимъ ученіемъ, въ соединеніи подъ одно знамя всѣхъ недовольныхъ“.

Таосизмъ, при всѣхъ его противорѣчіяхъ и нелѣпостяхъ, есть выходъ къ совсѣмъ иному религіозному сознанию или состоянію, чѣмъ мертвый позитивизмъ китайщины; горный проходъ, уводившій Лао-Си изъ Китая на западъ, оставленъ имъ въ его книгѣ; въ теосизмѣ этотъ проходъ загроможденъ и заваленъ множествомъ камней и камешковъ, но это всетаки нѣкоторый проходъ. Съ этой точки зрѣнія даосская легенда о Лао-си примѣчательна своими обращеніями къ западу и внѣкитайскими толкованіями Лао-Си. Она начинается съ разсказа о превращеніяхъ Лао-Си, о преждесуществованіяхъ мудреца и этимъ самымъ разбиваетъ тупое спокойствіе китайскаго представленія о существованіи человѣка въ конечныхъ предѣлахъ рожденія и смерти.

„Этотъ Лаоуэнь (Лао-Си), — повѣствуетъ даосская легенда,—родился самъ собою прежде великаго несуществованія; онъ не имѣетъ причины; его нельзя опредѣлить существованіемъ вселенной; катясь вмѣстѣ съ великимъ Дао, онъ создаетъ вселенную, разливаетъ дыханіе во всѣхъ странахъ; онъ ниспускается, какъ государственный учитель, во всѣ времена, хотя люди и не знаютъ болѣе того, что при династіи Чжоу онъ снова воплотился въ фамиліи Ли и родился изъ лѣваго бока“ (какъ и Будда). Онъ „высочайшій старый властитель“. Начало его воплощеній нельзя

познать. „Первое перерожденіе полагается за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры, когда Лао-уэунъ, отдѣливъ святой воздухъ, помѣстилъ его во чревѣ прекраснѣйшей яшмовой дѣвицы, гдѣ онъ и пробылъ 81 годъ (почему и родился съ бѣлыми волосами и названъ старымъ). Онъ родился изъ лѣваго бока подъ деревомъ Ли (каштанъ) и указавъ на него, сказалъ: оно будетъ моею фамиліею; голова у него была бѣлая, лицо желтое, уши длинныя, глаза большіе, окладистая борода, широкая шея, рѣдкіе зубы, квадратный ротъ, на ладоняхъ крестъ“. (Переводъ проф. Васильева съ китайс) По другому преданію, сообщаемому арх. Хрисанеомъ, „мать его зачала не отъ мужа, но отъ опустившейся на нее звѣзды, и 80 лѣтъ носила во чревѣ таинственный плодъ соединенія земли съ небомъ, пока не родила своего „сѣдого младенца“.

Странствуя въ колесницѣ, запряженной чернымъ быкомъ, на западъ, Лао-Си въ одно изъ странствій, утверждаютъ даосы, „оплодотворилъ спящую мать Шакія-Муни, отчего и родился Будда“—въ годъ созданія „Тао-те-Кинга“. Лао-Си посѣщаль Индію и Тибетъ. Онъ былъ всевѣдущъ, приобрѣтя всевѣдѣніе подвигомъ молчанія, уединенія и созерцанія. „Онъ указалъ средства, какъ добывать девять сортовъ пилюль, восемь камней, яшмовый напитокъ, золотую слюну, какъ покорять демоновъ и распоряжаться ими, питать природу, не ѣсть хлѣба, принимать превращенія“.

Императоръ, желая видѣть Лао-Си и не добившись свиданья съ нимъ, самъ поѣхалъ къ нему и, увидя, что онъ не кланяется, сказалъ: „Ты хотя и праведный, но мой подданный, отъ меня зависитъ богатство и знатность“.—Тогда Лао-Си, поднявшись на сто саженой на воздухъ, сказалъ: „Теперь, когда я вверху не на небѣ, въ срединѣ

(на воздухъ) не похожъ на человѣка, внизу не касаюсь земли,—что значать твои, государь, награды“. Императоръ, познавъ его мудрость и величіе, слѣзъ съ носилокъ и поклонился ему. Такъ—по легендѣ—величайшій носитель святыни китаизма—Императоръ склонился предъ мудрымъ Лао-Си.

Величайшее знаніе, данное Лао-Си даосамъ, вѣрнымъ своимъ,—знаніе безсмертія, путь къ практическому достиженію безсмертія. Въ даосскихъ системахъ есть все: миеологія, астрологія, космологія, теогонія, магія, медицина, практическая аскеза (напр., пріемы дыханія, практика созерцаній и проч.)—но все это только для того, чтобъ овладѣть безсмертіемъ тутъ же, на землѣ, чтобы вознестись на небо „для принятія должности на небѣ“.—Эта жажда почти осязаемаго безсмертія есть то, что, можетъ быть, наиболѣе презираемо китайцами въ даосизмѣ, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе чуждаго китайцу и китаизму, какъ какая бы то ни было идея безсмертія (если, разумѣется, не подмѣнивать безсмертія дурной безконечностью смерти и рожденія—столь почитаемой въ Китаѣ). „Будущаго для китайца нѣтъ, тѣмъ болѣе будущаго за предѣлами этого міра. Замѣчательно, что китаецъ, скептически относясь къ вопросу о будущей жизни человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ не разсуждаетъ и о будущемъ всего міра или о концѣ вселенной. Въ его религіозной доктринѣ нѣтъ эсхатологіи, нѣтъ слова о концѣ міра, какъ нѣтъ слова и о его началѣ. Онъ знаетъ только фактъ бытія вселенной. О томъ, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, онъ не хочетъ знать. Это человѣкъ факта и тихаго, спокойнаго, но постояннаго матеріальнаго труда“ (арх. Хрисанеъ).

Даосскія легенды Лао-Си показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что и китайскій „человѣкъ факта“ не

избѣжалъ жажды безсмертія „ну, хоть маленькаго, малк-сенькаго“ (Достоевскій). Въ этомъ смыслѣ, какъ ни грубъ и ни пестръ по своему составу, даосизмъ, онъ—всетаки дѣтище того *единственнаго* изъ китайцевъ, которому тяжело стало остаться китайцемъ до конца и который бѣжалъ изъ Китая на запретный западъ къ какой-то новой религіозной дѣйствительности.

Дракономъ взлетающимъ, а не покоящимся на божественной серединѣ, назваль Конфуцій—Китай сѣдого младенца Лао-Си,—и этотъ драконъ есть единственный за тысячулѣтнюю исторію Китая, который *хотѣлъ* взлетѣть къ небу. Существуютъ самыя противорѣчивыя толкованія ученія Лао-Си. Вл. С. Соловьевъ признавалъ Лао-Си „величайшимъ и, можетъ быть, единственнымъ умозрительнымъ философомъ желтой расы“ (Соч., VI, 118), утверждая, что, по Лао-Си, „истинное начало всего есть абсолютное безразличіе“, что „абсолютная пустота или безразличіе, какъ умозрительный принципъ, и отрицаніе жизни, знанія и прогресса, какъ необходимый практическій выводъ“ составляютъ самое существо ученія Лао-Си. Въ противоположность Вл. Соловьеву, арх. Хрисанеъ утверждалъ, что „божество Лао-цзы есть міровая субстанція въ пантеистическомъ смыслѣ,“ что Лао-Си призываетъ къ безсмертію, приобретаемому мудростью чрезъ усвоеніе божественнаго элемента въ природѣ (I, 161). Авторъ статьи о Лао-Си въ русскомъ философскомъ журналѣ, Д. П. Конисси утверждаетъ, что „признавая Тао безконечнымъ и чистѣйшимъ духомъ, Лаоси приходитъ къ логически необходимому выводу, что оно существо высочайшее и абсолютное“, что „метафизическая система Лао-Си представляетъ собою послѣдовательное и цѣльное ученіе о единомъ Верховномъ Существовѣ, подобное тому, до кото-

раго возвысилась греческая философія въ эпоху своего расцвѣта' (Воп. Фил. и Пс, XXIII, 375-76). Всецѣло оставляя это утверждение на отвѣтственности Д. П. Конисси, мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты какого-то *ираклизма* у Лао-Си: „Вообще вещи идутъ впередъ или назадъ; воютъ или дуютъ; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одномъ мѣстѣ“ (XXIX). „Я какъ будто несусь, но не знаю куда и гдѣ остановлюсь. Я одинъ темень, но люди свѣта просвѣщены. Я одинъ страдаю душевно; волнуюсь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться (XX). Л. Н. Толстой, въ послѣдніе годы жизни вновь заинтересовавшійся ученіемъ Лао-Си, утверждалъ, что „сущность ученія Лао-Тзе есть та же, какъ и сущность ученія христіанскаго“ (въ книжкѣ: Лао-Тзе. Избранныя мысли. Изд. Посредника, М. 1911 г., стр. 10—11). Это утверждение Л. Н. Толстого, а также и другое его утверждение, что основная мысль ученія Лао-Си „не только похожа, но совершенно та же, какъ и та, которая выражена въ 1-мъ посланіи Іоанна“ (стр. 9) — является ошибочнымъ. Первое посланіе апостола Іоанна, дѣйствительно, выражающее основу христіанскаго ученія, съ неоспоримой ясностью выводитъ заповѣдь о любви изъ ученія о Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ; „Любовь познали мы въ томъ, что Онъ (т.-е. Христось) положилъ за насъ душу свою“ (3,16); оно утверждаетъ далѣе Троичность Божества; „Ибо три свидѣтельствуютъ на небѣ: Отець, Слово и Святыи Духъ, и сіи три суть едино“ (5,7); наконецъ, самую любовь посланіе ставитъ въ тѣснѣйшую связь съ Богочеловѣчествомъ Христа и сыновствомъ людей Богу; „Всякій вѣрующій, что Іисусъ есть Христось, отъ Бога рожденный, и всякъ, любящій родившаго, любить рожденнаго отъ Него. Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда лю-

бимъ Бога“ (5,1—2). Идеи Богосыновства, Богочеловѣчества, искупительной жертвы и любви христіанской, вытекающей изъ этихъ основныхъ утвержденій посланія Іоанна, совершенно чужды Лао-Си, какъ и другимъ китайскимъ ученіямъ. Понятія, выражаемаго словомъ „Любовь“, въ ученіи Лао-Си нѣтъ вовсе: оттого это слово не встрѣчается въ переводахъ Конисси и Васильева, сдѣланныхъ съ китайскаго. Ученіе Лао-Си содержитъ подлинное, опытное указаніе на внутренній религіозный путь (который Лао-Си обозначаетъ словомъ Тао), въ его ученіи есть несомнѣнно-сильное начало аскетизма, несвойственнаго другимъ китайскимъ ученіямъ (какъ это указано архим. Хрисанеомъ), но, при всей своей возвышенности, чистотѣ и религіозной значительности путь Лао-Си *не есть путь христіанскій*. Наука кнтаевѣдѣнія, сравнительная исторія религій и богословіе одинаково заставляютъ утверждать это съ полной очевидностью.—Но при всѣхъ разнорѣчіяхъ въ пониманіи ученія Лао-Си одно совершенно несомнѣнно: это глубокое различіе духовнаго пути Лао-Си отъ пути всѣхъ до единаго китайскихъ мыслителей. Путь Лао-Си—внутреннее углубленіе, отшельничество, пещера (имѣющая особое мистеріальное значеніе во всѣхъ арійскихъ религіяхъ), молчаніе, созерцаніе, аскеза—путь буддійскій, христіанскій (разумѣется, со стороны *чисто внѣшней*, формъ, а не сущностей), но совершенно не китайскій. Арх. Хрисанеъ, разбирающій ученіе Лао-Си съ точки зрѣнія христіанскій, чрезвычайно удачно и глубокомысленно отмѣчаетъ это разительнѣйшее отличіе Лао-Си отъ всѣхъ другихъ китайскихъ религіозныхъ мыслителей: „Міръ есть проявленіе Дао—въ его неистинной, низшей формѣ бытія. Истинное бытіе; слѣдовательно, состоитъ въ отрѣшеніи отъ этого ничтожнаго, дѣйствительнаго бытія, въ забвеніи интересовъ настоящей жизни, въ приближеніи посред-

вомъ созерцанія къ жизни самаго „Дао“. Съ такимъ понятіемъ о божествѣ и происхожденіи, изъ него міра у Лао-Тзы связывается аскетизмъ, такъ чуждый китайскому духу, и созерцательность, такъ мало понятная для національных мудрецовъ Китая. Этотъ аскетизмъ и есть путь къ соединенію съ вѣчнымъ Дао. Человѣкъ сосредоточенный освобождается изъ подъ власти міра и становится одно съ „Дао“; съ этою послѣднею мыслию о соединеніи съ „Дао“ связано ученіе объ откровеніяхъ, получаемыхъ отъ вѣчнаго разума“.

Изъ завершеннаго, обнесеннаго великой стѣной „не хочу знать далѣе“ китайскаго міра, отъ позитивной середины торжествующаго факта и чувственной данности, Лао-Си хочетъ уйти горнымъ проходомъ созерцанія, уединенія, молчанія и аскезы. Въ этомъ проходѣ открывается намъ истинный Лао-Си—единственный драконъ, хотѣвшій взлетѣть къ небу.

Понятіе Тао у Лао-Си.

Центральное мѣсто въ ученіи Лао-Си занимаетъ понятіе „Тао“ (или „Дао“, по другому произношенію). Изъ „Тао“ выводитъ Лао-Си всю свою космогонію, метафизику, этику, даже политику; послѣдователи Лао-Си, даосы, выводятъ изъ Тао всю свою мифологію, астрологію, магію, даже медицину.

„Въ буквальному переводу съ китайскаго слово „Тао“ (или То, До) обозначаетъ понятія: „путь“, „повиновеніе“, „слово“ или „говорить“—въ общеупотребительномъ языкѣ, „истина“ или то, что непременно должно быть такъ, а не иначе—въ философскомъ смыслѣ; оно же означаетъ *императивный долгъ*—въ этическомъ смыслѣ“ (Конисси XXIII,

263). До Лао-Си это слово употреблялось лишь въ двухъ значеніяхъ: 1) *путь* или *дорога* и 2) *императивъ*—въ этическомъ смыслѣ. Слово Тао—употребляется и въ системахъ конфуціанства. Лао-Си далъ этому слову въ своемъ ученіи совершенно особый смыслъ, установить который въ точныхъ и опредѣленныхъ терминахъ крайне трудно.

Въ космогоническомъ смыслѣ, напр., въ XLII главѣ, гдѣ о Тао говорится, какъ о „произведемъ одно, одно—два, два—три, а три—всѣ вещи“, понятіе Тао у Лао-Си является, надо думать, тождественнымъ съ такимъ же понятіемъ у Конфуція: въ этомъ смыслѣ Тао, по прекрасному опредѣленію Вл. С. Соловьева,—есть „единая безусловная потенція природы“, проявляемая въ мірѣ двумя силами „*инь* и „*янъ*“ (см. о нихъ главу XLII). Но даже въ чисто космогоническомъ смыслѣ Лао-Си не довольствуется этимъ значеніемъ для Тао: Тао—творецъ всего сущаго, а не только природа, неизмѣнная по существу, но выдѣляющая изъ себя силы и творенія—таковъ смыслъ главы LI-ой.

Изъ всѣхъ китайскихъ философовъ лишь одинъ Лао-Си не принялъ міра, какъ факта, подлежащаго объясненію только въ предѣлахъ этого факта и исходя изъ конкретности этого существованія міра, доступнаго чувствамъ: Лао-Си одинъ шелъ умозрительнымъ путемъ. Поэтому Тао—постигается умозрительно, и въ собственномъ своемъ бытіи оно есть „*чистѣйшій духъ*“ (гл. VI).

По опредѣленіямъ самого Лао-Си, Тао—„безконечная глубина“ (IV), „неуловимо, какъ блескъ свѣта“ (XXI), „безконечно“ (XIV), „не имѣетъ имени, но люди его называютъ Тао“ (XXV, XXXII, LXI), „неистошимо“ (IV), „чисто“ „предвѣчно“ „непостижимо“ (XXI), „бездѣльно“ „самобытно“ (XXV), и т. д.

Тао—*безконечно*: оно есть „бытіе, которое существуетъ

раньше, нежели небо и земля“, оно „не знаетъ переворота“ (XXV). „О, безконечное! нельзя назвать его именемъ.“! (XIV). „Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистощимо“. (IV).

Тао—есть *чистѣйшій духъ*: „чистѣйшій духъ безсмертенъ“ (VI), „онъ будетъ существовать безъ конца“. (VI).

Какъ безконечное и чистѣйше-духовное, Тао есть существо *высочайшее* и *абсолютное*: „невозможно даже вообразить, что существуетъ что-нибудь выше его“.

Тао—абсолютно и едино (гл. VI, X), самобытно (XXV), безпредѣльно (XXXIV), всемогуще (LXXIII), вневременно, вѣчно (XXXII).

Такимъ образомъ, всѣ эти свойства Тао, изобличающія его природу, могутъ быть сводимы къ одному: Тао есть *Верховное Существо*.

Къ Тао сводится вся этика и политика Лао-Си: „живущій по Тао равенъ Тао“ говоритъ онъ (XXIII). Поэтому въ понятіи Тао заключено не только представленіе о нѣкомъ Высшемъ Началѣ, но и о пути къ нему, о соучастіи въ Тао: отсюда и самое слово Тао значитъ *путь*.

Въ представленіи даосовъ Тао есть *Все*: „Что такое дао? Нить пустоты и несуществованія, корень творенія, основаніе духовнаго, начало неба и земли; нѣтъ ничего внѣ его, нѣтъ ничего такого сокровеннаго, которое бы не заключалось въ немъ“. (Изъ даосскихъ писаній, приводимыхъ у Васильева, стр. 81).

„Даосійцы ищутъ въ Дао тайну вѣчной и блаженной жизни; неизмѣнной и всеобъемлющей, — нѣчто въ родѣ философскаго камня или жизненнаго эликсира“. (Соловьевъ, VI, 140).

Пребываніе въ Тао есть пребываніе въ совершенствѣ

и блаженствѣ (въ сферѣ нравственной), въ вѣчности и безсмертіи (въ сферѣ метафизической)—таковъ прямой смыслъ ученія самого Лао-Си у Тао.

По ученію даосовъ, пребывающій въ Тао приобретаетъ еще власть надъ природой и становится вѣчнымъ—или вѣчностью нестарѣющаго тѣла, или вѣчностью переселенія души въ другія существа. Въ концѣ же концовъ является вѣчность совершеннаго возвращенія въ Тао, въ самобытіе.

Примѣчанія къ отдѣльнымъ главамъ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Глава I. „*То, что не имѣть ; то, что имѣть имя—есть мать всѣхъ вещей*“.—Буквально не мать, а *самка*. Въ переводѣ St. Julien'a—*la femelle*. (р. 21).

„Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное названіе“.—Значеніе этого афоризма Д. П. Конисси объясняетъ такъ: „Существо, не имѣющее имени, и существо, имѣющее имя,—произошли изъ одного и того же начала—Тао“.

Глава IV. „О, какъ чисто!.. предшествовало ли первому *царю*“.—По объясненію переводчика: царю неба.

Глава V. „Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ съ *соломенной собакой*“—Объясненіе Д. П. Конисси „Соломенная собака—это кукла собаки, сдѣланная изъ соломы. Она, по словамъ толкователя Лао-Си *Хяку-Гёку-сенъ*, употреблялась при жертвоприношеніи. Когда окончится обрядъ приношенія, то китайцы бросаютъ ее и топчутъ ногами. Здѣсь это выраженіе употреблено въ смыслѣ „ничтожества“.—Соломенная кукла собаки замѣнила какой-либо живой реальный предметъ жертвоприношеній: свидѣтельство, что во времена Лао-Си натуральныя жертвы уже замѣнялись символическими.

Афоризмъ первый этой главы въ переводѣ проф.

Васильева читается такъ: „небо и земля не имѣютъ челоуѣколюбія“. (стр. 77).

Глава VI. „Непостижимой матерью (*самкой*)—„la femelle mystérieuse“ у St. Julien'a. (р. 21).

Глава VII. „Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для самихъ себя“.—Лао-Си признаетъ временное существованіе вселенной. Вселенная не вѣчна. „Ни небо, ни земля,—говоритъ онъ,—вѣчно существовать не могутъ“. Міръ существуетъ только благодаря Тао: въ Тао—причина долгаго существованія міра; однако Тао, образовавшій міръ, сдѣлалъ это не для него самого. „Прощѣтающая вещь легко старѣетъ“—говоритъ Лао-Си о мірѣ. См. главы XXIII и LV.

„Онъ (т.-е. святой мужъ) оставляетъ свое тѣло...“

По переводу проф. Васильева этотъ и слѣдующій афоризмы читаются такъ: „Когда святой мужъ небрежетъ о своемъ тѣлѣ, то его тѣло выступаетъ впередъ, и онъ можетъ достигнуть долголѣтія. Когда онъ не думаетъ о собственной пользѣ, то можетъ совершить собственную пользу“. (Стр. 78).

Глава IX. Афоризмы третій, четвертый, пятый, по переводу проф. Васильева: „Домъ, наполненный золотомъ и драгоценными камнями, нельзя сберечь; богатство и знатность возбуждаютъ гордость и влекутъ за собою вину (несчастіе); небесный путь требуетъ, чтобъ доблести отступали вслѣдъ за тѣломъ“. (Стр. 78).

Глава X. „Кто хочетъ открыть небесныя врата, тотъ долженъ быть, какъ *самка*“.—Объясненіе переводчика: „Открыть небесныя врата“—значитъ достигнуть Тао или нравственнаго совершенства. Откуда смыслъ этого афоризма таковъ: желающій достигнуть нравственнаго

совершенства долженъ быть смиреннымъ, какъ самка смиренна передъ самцомъ“.

Глава XIII. „Почестъ отъ сильныхъ міра., какъ къ совершенно призрачной“.—Буквально: „достойной удивленія“.

Глава XV. „Исполняющій Тао не желаетъ быть *наполненнымъ*“,—т. е. удовлетвореннымъ.

Глава XVIII. „Когда *великое Тао...*“ — По толкованію Д. П. Конисси, „туть Лао-Си иронически называетъ „великимъ Тао“ и мудростью тѣ ученія, которыя извѣстны подъ названіемъ „Ученія блаженнѣйшихъ царей“.—„Ученіе блаженнѣйшихъ царей“ есть древнее китайское ученіе. О немъ же говоритъ Лао-Си въ двухъ первыхъ афоризмахъ XIX-ой главы. („Когда уничтожено будетъ ученіе...“). Объ этихъ древнѣйшихъ ученіяхъ царей синологъ проф. Васильевъ, выясняя ихъ отношеніе къ конфуціанству, говоритъ слѣдующее: „Конфуціанство самостоятельно дошло до мысли, что только то хорошо, что сохраняетъ на себѣ типъ древности; только въ древнее время были хорошіе образцы, совершенные люди. Не считая еще ихъ ни богами, ни святыми, конфуціанство представляетъ въ примѣръ нравственности и самаго лучшаго управленія такихъ государей, каковы были: Яо, Шунь, Вань: Тань, Вэнь и У; при этихъ царяхъ все было хорошо устроено; каждое изреченіе ихъ, даже простое восклицаніе, есть комментарий навсю жизнь, законъ для будущихъ вѣковъ“. (Васильевъ, Религія Востока, стр. 17). Конфуціанство, явившееся реакціей противъ ученія Лао-Си, приписывало величайшее значеніе „ученію блаженнѣйшихъ царей“; Лао-Си, обратно, возставалъ противъ этихъ „комментаріевъ на всю

жизнь“. Уже при ученикѣ Конфуція, Мен-цзы, государи Яо и Шунь были признаны полубогами.

„Когда шесть ближайшихъ родственниковъ“.— По объясненію переводчика: „6 степеней родовыхъ линий“.

Вся эта глава переведена проф. Васильевымъ:

„Когда великое *Тао* потеряно, тогда уже является челоуѣколюбіе и истина; разумъ и благоразуміе вытекаютъ изъ великой лжи; когда нарушается гармонія въ родствѣ, тогда только является почтительность сыновняя и любовь родительская; когда государство возмущено, тогда только являются преданные престолу чиновники. (Стр. 77).

„Великое Тао“, упоминаемое въ этой и слѣдующей главахъ, есть *мнимое, ложное Тао* и, какъ такое, оно противоположно истинному Тао, которому посвящена вся книга Лао-Си и великія послѣдствія отъ слѣдованію которому изложены Лао-Си въ XXXIII главѣ, поэтому потеря этого „великаго Тао“—есть благо потеря истиннаго Тао—великое зло (глава XXXII).

Глава XIX. Къ афоризмамъ первому и второму: „Когда оставлены *святость и мудрость*“... и „когда оставлены *челоуѣколюбіе и справедливость*“. Переводчикъ относитъ и эти выраженія (святость, мудрость, челоуѣколюбіе, справедливость) къ отвергаемому Лао-Си „Ученію блаженнѣйшихъ царей“. О немъ см. примѣч. къ XVIII главѣ.

Глава XX. „Я одинъ отличаюсь отъ другихъ тѣмъ, что люблю питаться у матери“.—Т. е. у матери всѣхъ вещей—у самки, у Тао. См. I главу и особенно VI-ю.

Глава XXVIII. „Кто знаетъ.. и остается въ *невѣжествѣ*“.—Буквальный переводъ: *въ незнаніи*.

Глава XXIX. „Вообще, вещи идутъ впередъ или назадъ: *воюютъ или дуютъ*“.—Въ текстѣ St. Julien'a: грѣютъ или охлаждаютъ.

Глава XXX. „Когда вещь дойдетъ до полноты своего *развитія*“. Букв. *силы*.

Глава XXXII. „Когда цари и князья заботятся о защитѣ (своей страны), то сама *природа* сдѣлается помощницей ихъ“. Букв.: *вещь*.

„Когда небо совокупится... чего человѣкъ не въ состояніи *устроить*“.—По буквальному переводу: *заставитъ творить*.

ВТОРАЯ КНИГА.

Глава XXXVIII. „Откуда, когда потеряно Тао“.—Сокращенный переводъ этого и слѣдующаго афоризма у проф. Васильева: „Когда потерянь путь (дао), являются доблести (д'э), потеряны доблести,—является челоуѣксклюбіе, истина, церемоніи... Церемоніи-жъ имѣютъ самое ничтожное значеніе въ преданности и вѣрности, напротивъ, онѣ—глава безпорядка“. (Стр.77). Въ виду важности этого мѣста приводимъ его еще въ переводѣ съ англійскаго, редактированномъ Л. Н. Толстымъ (Изб. мысли Лао-Си. М. 1911 г.): „Если потеряно Тао, то остается добродѣтель; потеряна добродѣтель, остается челоуѣксклюбіе; потеряно челоуѣксклюбіе остается справедливость; потеряна справедливость, остается приличіе. Приличіе—это только подобіе правды и источникъ смуть“. Это же мѣсто имѣется въ переводѣ К. Д. Бальмонта, въ книгѣ „зовы древности“. Спб. 1908 г., стр. 138.

Мѣсто это противоположно по смыслу сказанному объ исчезновеніи мнимаго „великаго Тао“ въ главахъ XVIII и XIX.

Глава XL. „Всѣ вещи произошли отъ бытія (что), и бытіе отъ небытія (ничто)“. См. примѣчаніе первое къ XLII главѣ.

Глава XLII. „Тао произвело одно, одно—два, два—три, а три—всѣ вещи“.

Глава LXI. Въ переводѣ съ англ. подъ ред. Л. Н. Толстого читаемъ: „Когда высшіе ученые узнаютъ о Тао, они старательно исполняютъ его. Когда средніе ученые узнаютъ о Тао, они то соблюдаютъ, то теряютъ его. Когда низшіе ученые узнаютъ о Тао, они смѣются надъ нимъ. Если бы они не смѣялись надъ нимъ, оно бы не заслуживало имени Тао“. (Стр. 23).

Глава XLII. „Одинъ—это нечетное число, а два—четное. Соединеніе четнаго съ нечетнымъ обнимаетъ все многообразіе чиселъ.—О происхожденіи вещества нашъ философъ учитъ слѣдующимъ образомъ: Тао „произвело одно и т. д.“ Это значить, что Тао создало единое, т. е. несложное, которое не есть еще видимое, осязаемое вещество и есть небытіе. Такъ какъ небытіе—отрицаніе бытія—заключаетъ въ себѣ элементъ отрицаемаго, то изъ него же произошелъ и весь видимый міръ.

О вѣрности нашего пониманія вышеприведеннаго изреченія Лао-Си свидѣтельствуетъ слѣдующая мысль его: „Всѣ вещи,—говоритъ онъ,—произошли изъ бытія, и бытіе—изъ небытія“. (XL глава, послѣдній афоризмъ)“. (Д. Конисси. Философія Лаоси. Вопр. фил. и псих., XXIII, 377). См. также замѣчанія о космогоніи Лао-Си выше, въ замѣткѣ „Понятіе Тао“.

„Всякая вещь носить на себѣ *инь* и заключаетъ въ себѣ *янъ*“.

Понятія *инь* и *янъ* присущи не только ученію Лао-Си, но и всей философіи Китая. Въ наиболѣе общемъ своемъ значеніи *инь* и *янъ* есть двѣ противоположныхъ силы, выдѣляемые единымъ космическимъ цѣлымъ—природой, какъ данностью. Какъ уже было отмѣчено, у китайцевъ нѣтъ представленія о *началѣ* міра, какъ актѣ творческаго процесса со стороны нѣкоего Творца: поэтому, по свидѣтельству архим. Хрисанѳа, переводъ первой главы книги Бытія на китайскій языкъ невозможенъ. Сила *янъ* есть сила активная или мужская, *инь*—пассивная или женская. Первичной, изначальной реализаціей или воплощеніемъ силы *янъ*, по китайскому воззрѣнію, явилось *небо*, силы *инь*—*земля*. Дальнѣйшія воплощенія этихъ двухъ силъ безконечно разнообразны. Отсюда—утвержденіе Лао-Си: „всякая вещь носить въ себѣ *инь* и заключаетъ *янъ*“. См. замѣчанія объ этомъ у Вл. Соловьева, т. VI, стр. 103. Въ системѣ воззрѣній Лао-Си, по свидѣтельству изслѣдователя (Д. П. Конисси. Философія Лаоси, XXIII, 377—8), ученіе объ *янъ* и *инь* занимаетъ слѣдующее мѣсто: „Первоначальное вещество или матерія, находилось въ хаотическомъ состояніи. (Гл. XXV. „Вещество произошло изъ хаоса“). Эта хаотическая масса, по мнѣнію Лао-Си, заключала въ себѣ двѣ противоположныхъ силы: „*инь*“ и „*янъ*“. Посредствомъ этихъ двухъ силъ вся хаотическая масса была приведена въ движеніе, во время котораго легкое поднялось наверхъ, а тяжелое погрузилось внизъ (гл. XXVI). Благодаря этому движенію, хаотическая масса матеріи

пришла въ порядокъ. Достигая порядка матерія и есть вселенная со всей ея сложностью и разнообразіемъ (гл. XXXIX). Такой сложный процессъ происхожденія дѣйствительности не могъ совершиться самъ собой. Творцомъ всего этого Лао-Си признаетъ Тао“.

Въ ученіяхъ даосовъ силы „инъ“ и „янъ“ подчинены началу „д’э“ (достоинство): „Что такое д’э? То, что получено небомъ и землею, то, изъ чего получаютъ силы инъ и янъ“. (Васильевъ, 82). Ученіе о „инъ“ и „янъ“ имѣетъ нѣкоторый параллелизмъ съ буддійскимъ ученіемъ о трехъ ян’ахъ.

Глава L. „Жизнь имѣетъ 13 ступеней своего развитія...“ (а также къ 2-мъ слѣдующимъ афоризмамъ). Объясненіе Д. П. Конисси: „13—это символическое число. Оно, по словамъ толкователя Лао-Си Хану—Гёку—Сенъ, взято изъ области астрономіи. Луна послѣ своего появленія черезъ 13 дней достигаетъ своей полноты; послѣ полнолунія черезъ 13 дней она совсѣмъ исчезаетъ. Приводя это число дней, Лао-Си, очевидно, хотѣлъ указать на то, что всякое существо развивается до извѣстной границы, и когда оно достигнетъ полноты развитія, то начинаетъ ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ уничтожается“. Сравн., напр., предпослѣдній афоризмъ XXX-ой главы.

Глава LVII. „Когда въ странѣ нѣтъ (еще) безпорядка, (тогда) слѣдуетъ имъ овладѣть“.—По объясненію переводчика, заключительная часть афоризма по смыслу значитъ: „принять мѣры къ его предотвращенію“.

„Когда въ государствѣ... число преступниковъ увеличится“.—Букв. *воровъ*.

Глава LIX. „Мать вселенной... глубокий корень и крепкое основание.“—Букв.: оно.

Глава LXI. „Совокупление вселенной есть начало всего мира“. Букв.: самка.

Глава LXII. „Выбирают царя... они разъезжают *въ колесницахъ*“.—Букв. „на четверномъ экипажъ“.

Глава LXIX. „Не сдѣлавъ ни шага...“—У Лао-Си: *вершка*.
